

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

Тезисы докладов
II годичной научной сессии ЛО ИНА
март 1966 года

Ленинград
1966

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

Тезисы докладов
II годичной научной сессии ЛО ИНА
март 1966 года

Ленинград
1966

С.И.Баевский

НЕИЗДАНЫЙ ПЕРСИДСКО-ТУРЕЦКИЙ СЛОВАРЬ XV века
"ШАМИЛ АЛ-ЛУГАТ"

1. Персидско-турецкие словари, начало составления которых относится к XV веку, имеют большое значение как для турецкой филологии, так и для персидской лексикографии и исторической лексикологии. Составлявшиеся, как правило, на основе персидской поэзии, с использованием ранних толковых словарей персидского языка, они содержат ценный материал по средневековой персидской лексике, цитаты из ранних персидских поэтов, выдержки из предшествующих, иногда не сохранившихся, персидских фархангов.

2. Коллекция персидско-турецких словарей рукописного собрания ИНА АН СССР содержит несколько ценных сочинений, до настоящего времени не изданных и мало известных науке.

3. Старейшим памятником персидско-турецкой лексикографии в нашем собрании является словарь "Шамил ал-лугат" ("Включающий слова"), который составил около 900/1494 г. в Турции Хасан ибн Хусайн ибн Имад ал-Кара Хисари. До настоящего времени не изданный, "Шамил ал-лугат" дошел до нашего времени в крайне редких единичных экземплярах, среди которых наш список, изготовленный в 902/1496 г. в Константинополе, является самым старым, почти совпадающим с датой завершения сочинения.

4. Словарь включает две части: 1 - Имена, 2 - Инфинитивы, которым предшествует предисловие. В приложение к словарю дан грамматический очерк персидского языка. Предисловие и приложение написаны по-персидски. Расположение лексического материала в словаре отличается оригинальностью. Словарь персидских имен построен

по последней букве, образующей 24 главы; главы делятся на разделы, соответственно первой букве переводимого слова; разделы включают три подраздела, в соответствии с начальной гласной слова (а, и, у). Словарь персидских инфинитивов, включающий 18 глав, построен согласно первой букве переводимого слова; главы делятся на три подраздела, соответственно начальной гласной переводимого слова (а, и, у).

5. Безусловную ценность словарю "Шамил ал-лугат" придает тот факт, что автор использовал при его составлении тринадцать ранних фархангов; среди них есть ряд лексикографических сочинений, не дошедших до нашего времени, как-то: словарь Катрана, "Ладжат", "Мифтах ал-адаб", "Мушарраф".

6. К достоинствам нашего списка относится последовательно проведенное обозначение произношения толкуемой персидской лексики с помощью надстрочных и подстрочных знаков.

7. Хорошо сохранившаяся, полная рукопись словаря "Шамил ал-лугат", принадлежащая ИНА АН СССР, старейшая из известных, может послужить надежной основой для издания критического текста словаря.

М.В.Воробьев

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ В ЧЖУРЧЖЕНЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕ ЦЗИНЬ

Изучение состояния естествознания в империи Цзинь представляет двойной интерес. Оно помогает понять уровень развития естественнонаучной мысли ученых государства Цзинь и оценить их вклад в естествознание Дальнего Востока. Оно косвенно отвечает на вопрос о влиянии, которое оказала империя Цзинь, в течение ряда лет включая в свой состав Северный Китай, на развитие китайского естествознания.

Разработка общих вопросов натурфилософии не выходила за пределы традиционной схоластической трактовки теории "5 стихий" китайской космогонии.

Прикладная математика в государстве Цзинь в надлежащей мере обеспечивала выполнение практических работ в строительстве, инже-

нерном деле, астрономии и т.п. Теоретические исследования известны плохо. Бесспорным событием явилось "Морское зеркало измерения круга" ("Цзинь хайлу") цзиньского математика Ли Чжи. В нем автор развивает учение о "математической природе мира", о натуральных и "иррациональных" числах и предлагает оригинальный способ измерения круга путем построения геометрических фигур на его поверхности и действий с алгебраическими величинами.

В стране существовала государственная астрономическая служба. Она регулярно осуществляла свыше ста видов наблюдений и операций, связанных с нуждами самой астрономии, службы времени и астрологии. В частности, велись наблюдения за солнцем, луной, 5 планетами, 28 со звездными, определялись сроки наступления полнолуния, новолуния, 24-х сельскохозяйственных сезонов, солнечных и лунных затмений. В стране был введен 60-тигодовой цикл, девяти лет правления, 12-ти и 10-тиричные циклы, сутки делились на часы. Вся эта система держалась на лунном календаре и контролировалась постоянными текущими наблюдениями за часами. Календарь "Даминь" был создан в 1127 г. по типу сунского, опубликован и введен в действие в 1137 г. Вскоре он подвергся исправлению, так как уже в 1173 г. не удалось наблюдать предсказанного солнечного затмения из-за расхождений между показаниями календаря и истинным временем. Цзиньские астрономы занимались и теоретическими проблемами. В 1190 г. У Кан выпустил "Пересмотренные основы астрономии" ("Цзяочжэн тьяньвэнь чжигуань"), где речь идет о неподвижных звездах, о 5 планетах, о гадании по звездам.

Оживление внешних сношений, новое районирование, передел огромных земельных площадей требовали солидных познаний в географии и картографии. Теоретические положения цзиньской географии в основе своей были те же, что и в сунской географии, но сама эта наука в государстве Цзинь имела более прикладной и менее описательный характер. В несохранившемся сочинении Ли Чжэнь-гана "Записки о "Торчащем утесе" ("Цзешичжи") приводились данные о длине тени в периоды зимнего и летнего солнцестояний в ряде пунктов страны. "Новая пересмотренная книга по географии" ("Цзяочжэн дили синьшу") Чжан Цзя не только налагает основы приложения учения инь-ян в географии, но и учит, как правильно установить страны света, провести измерения местности, составить карту.

К редким ботаническим сочинениям, прямо не связанным с фармакопеей, принадлежат "Съедобные деревья и травы" ("Шиу беньцао"), приписываемые известному врачу Ли Гао.

Естественно-научные представления чжурчженей в догосударственный период были несистематизированы и не фиксировались. В период государственного строительства они сложились в систему наук. При формировании государственных научных учреждений чжурчжени использовали опыт династии Сун. В ряде отраслей естествознания ученые государства Цзинь добились несомненных успехов. Для естествознания государства Цзинь характерно преобладание практических интересов над схоластическим теоретизированием, меньшая правительственная регламентация в науке, широкое привлечение к научной деятельности наряду с китайцами представителей северных народов (чжурчженей, бохайцев, корейцев, киданей, монголов), что и придало естествознанию Цзинь его оригинальный облик. Несмотря на несомненный урон, нанесенный китайскому естествознанию чжурчженским завоеванием, развитие собственно китайского естествознания не было прервано.

З.Н.Ворожейкина, Х.И.Ниязов

ПЕРСИДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ДОМОНГОЛЬСКОГО ПЕРИОДА В РУКОПИСНОМ СОБРАНИИ ЛО ИНА АН СССР

1. Первые века существования персидской литературы отмечены чрезвычайной интенсивностью развития. Они охватывают зарождение литературы на ново-персидском языке в IX веке, ее пышное цветение в течение четырех столетий, прерванное монгольским завоеванием. Именно к этому периоду относится сложение ведущих литературных жанров, детальная разработка канонической поэтики, творчество многих корифеев персидской поэзии, определившее ее общемировую художественную ценность.

2. Персидская литература домонгольского периода - гордость иранского народа - пристально изучается в самом Иране. Бережно учитывая рукописные фонды страны, иранские филологи ведут в последние годы последовательную работу по реставрации и критическому изданию ранних памятников литературы, собирают и восстанавливают наследие персидских классиков.

3. Доменгольская персидская литература широко представлена в рукописном собрании ИНА АН СССР. Описание этой коллекции составит отдельный выпуск серийного издания "Описание персидских и таджикских рукописей ИНА". Составители выпуска проводят новый в методике описания авторско-хронологический принцип сквозной систематизации литературных рукописей. Ставя целью возможно полнее собрать литературное наследие каждого из тридцати поэтов (начиная от Рудаки и кончая Аттаром), составители группируют все относящиеся к тому или иному автору рукописные материалы нашего собрания, включая сборники стихов, альбомы, а также отдельные стихотворения, литературный комментарий.

4. Литературное наследие крупнейших авторов этого периода - Фирдауси, Санайи, Ансари, Анвари, Низами, Хакани, Хайяма, Насир-и Хосрова, Аттара - представлено в нашем собрании большими коллекциями рукописей. Среди них есть редкие не издаваемые сочинения. (Напр., произведения Самаи, Ансари, Хакани, Мухтари, Ахмад-и Дивама).

5. Детальное сопоставление наших списков по объему, структуре и - выборочно - текстуальной тождественности с существующими эталонами (как правило, с критическими иранскими изданиями последних лет, выполненными без учета рукописей европейских хранилищ и Советского Союза) - позволяет в ряде случаев выявить возможность корректива к изданным текстам: заслуживающие внимания разночтения, не учтенные издателями строфы, отдельные стихотворения. Интересные добавления к изданным диванам содержат наши рукописи произведений Анвари, Баба Тахира, Низами, Омара Хайяма, Насир-и Хосрова.

6. Анализ изучаемых манускриптов по месту и дате изготовления дает любопытные данные о бытовании персидской литературы в Средней Азии, Закавказье, Северном Афганистане и Индии.

7. Проведенное исследование нашего собрания позволяет наметить конкретные пути реализации его потенциальной научной ценности.

Н.В.Елизеева

АРХИВ ИРАНИСТА Д.Н.МАРРА (1893-1935)

1. Архив Дрия Николаевича Марра (1900 единиц хранения) до сих пор не был доступен для изучения. Основная часть архива на-

ходила в неразобранном виде, отсутствовала общая опись. Теперь, когда материалы систематизированы и подготовлена картотека для общей описи, отчетливо выявляются основные линии научной деятельности Д.Н.Марра и научное значение его архива. Среди материалов архива находятся работы, которые при соответствующей подготовке могут быть изданы.

2. Первая опись, в которой сосредоточены научные работы и материалы к ним, систематизированные в тематико-хронологическом порядке, наиболее обширна и интересна. Филолог-иранист в широком смысле слова, Д.Н.Марр большую часть внимания уделял персидской литературе. В разделе "Первая командировка в Иран в 1925-26 гг." содержатся материалы ("Персидские литературные впечатления"), свидетельствующие о главном интересе Д.Н.Марра во время пребывания в Иране - к персидской литературе. Не ограничиваясь изучением языка и литературы только Ирана, Д.Н.Марр интересовался грузино-персидскими литературными связями (что в итоге привело к формированию темы "Низами-Хакани-Руставели"). Не все равноценно в разделе "Литература", но здесь есть материалы, которые могут быть опубликованы (напр., перевод оды Хакани, посвященной Андронику Комнени).

3. Изучение персидской литературы и персидского языка были основными направлениями в исследованиях Д.Н.Марра, тесно между собой связанными. "Персидский язык" образует другой крупный раздел первой описи. В этом плане основной интерес Д.Н.Марр проявлял к словарной работе. "Документированный персидско-русский словарь" был делом всей его жизни, и работу над ним он не прекращал до самой своей кончины.

4. Следующие разделы, в которых расположен материал первой описи, таковы: "Этнография", "Фольклор", "История, археология, нумизматика", "Изучение персидской культуры", "Конгресс ориенталистов в Иране в 1934 г., посвященный 1000-летию со дня рождения Фирдауси", "Отзывы и рецензии Д.Н.Марра (о деятельности разных лиц, на отдельные работы и т.п.)" и другие. Первая опись содержит также материалы вспомогательного характера, вошедшие в "Выписки из разных книг", "Учебные занятия", "Записные книжки, дневники", "Картотеки к различным темам" и т.п.

5. Обширная переписка Д.Н.Марра (вторая опись) также представляет значительный научный интерес, т.к. в ней содержится большое количество высказываний Д.Н.Марра по разным научным вопросам.

Наибольший интерес и объем имеет переписка Ю.Н.Марра и К.И.Чайкина, охватывающая период с 1925 г. по 1935 г.

6. Третья опись содержит всевозможные деловые бумаги, относящиеся к жизни и деятельности Ю.Н.Марра. В эту опись вошли также воспоминания о нем и материалы, предназначавшиеся для сборника, посвященного памяти Ю.Н.Марра, и материалы, подобранные для Бюллетеня, намечавшегося к изданию в 1963 г. к 70-летию со дня рождения.

7. В четвертую опись включены материалы, присланные Ю.Н.Марру на отзыв, для ознакомления, для издания, собраны автографы писателей и поэтов, привезенные Ю.Н.Марром из Ирана и т.п. Сюда же помещено небольшое количество рукописей на персидском языке, обнаруженных в Архиве Ю.Н.Марра.

8. Отдельно сгруппированы (пятая опись) фотографии различных иранских деятелей, фотографии, относящиеся к первому пребыванию Ю.Н.Марра в Иране в 1925-26 гг., к конгрессу, посвященному 1000-летию юбилею Фирдауси, семейные и другие.

9. Изучение материалов Архива Ю.Н.Марра позволит полнее оценить вклад Ю.Н.Марра в советскую иранистику.

С.С.Какабадзе

ГРУЗИНСКИЕ ДОКУМЕНТЫ ИНСТИТУТА НАРОДОВ АЗИИ

1. В сравнительно небольшом собрании грузинских документов Института народов Азии, состоящем в основном из копий XIX в., многие подлинники которых позднее погибли, представлены все основные типы грамот с начала XI в. до середины XIX в.

2. Можно наметить следующие периоды развития грузинской дипломатики. До середины XIV в. грамоты строятся по схеме - кратко титулатура, содержание и утверждение, датировка по индиктиону (годам правления) царей (частные и церковные обычно без дат). С конца 30-х гг. XIV в. грамоты обычно датируются по грузинскому кроникону (летоисчислению), а с начала XV в. кроме того и по индиктиону царствований. С конца XIV в. грамоты, как правило, содержат большое вступление богословского характера, подробно титулатуру и в конце пространное перечисление проклятий возможным на-

рушителям. С начала XV в. перечисляются все члены царской семьи (в частных грамотах - члены субъекта грамот), от имени которых и выдаются грамоты вплоть до XIX в.; очевидно, что государство рассматривается как собственность царского рода в целом. С XVI в. появляются грамоты, оформленные в виде кратких царских распоряжений и указов. С XVII в. восточногрузинские грамоты вообще упрощаются и уже не содержат богословского вступления и проклятий (в Западной Грузии этих изменений не произошло); датировка в этот период по грузинскому кроникону (с начала XVIII в. иногда и от рождества Христа), но без указания индиктиона царствований.

3. Большое значение с точки зрения развития государственного права имеют грамоты о цене крови (всего сохранилось около 40 грамот, в ИНА - 7 копий). Выдача этих грамот была вызвана необходимостью решать вопросы дел крови в каждом отдельном случае. После решения этих вопросов в общем законодательном порядке (в Восточной Грузии, по-видимому, в XVII в.; в Западной Грузии после этого руководствовались восточногрузинскими законами) необходимость в выдаче этих грамот отпала. Кроме того, эти грамоты, вместе с рядом других, содержат важный материал для выяснения социальной и политической структуры Грузии в позднее средневековье (например, института царей провинций). В этой связи следует пересмотреть резко отрицательное отношение (И.А.Джавахишвили) к этим грамотам, как к подложным документам.

Н.Д.Миклухо-Маклай

РУКОПИСЬ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЧИНЕНИЯ МУХАММЕДА ТАХИРА В СОБРАНИИ ИНА АН СССР

1. В иранской историографии XVII века довольно видное место занимает историческое сочинение сефевидского сановника и поэта Мухаммеда Тахира, носившего литературный псевдоним Вахид (согласно последним данным он родился в 1015/1606-1607 г. и умер в 1110/1698-1699 г.). В научной литературе его сочинение известно под различными обиходными названиями: Та'рих-и 'Аббас сани (История Аббаса II), Та'рих-и Тахир Вахид ("История Тахира Вахида") и др. Рукописи сочинения сравнительно редки; недавно оно было издано в Иране (издатель - Ибрахим Дижан) под названием 'Аббас-нама ("Книга Аббаса").

2. В известных до сих пор рукописях сочинения и в печатном его издании оно содержит историю сефевидского шаха Аббаса II (1052-1077/1642-1666) до 1074/1663-1664 г., а в менее полных рукописях только до 1066/1656 г.

3. В рукописи ИНА АН СССР (шифр С481, старый шифр - 574) сочинение Мухаммеда Тахира, в отличие от известного нам его текста, содержит общую историю сефевидов. Последняя здесь делится на три части (бѣб), из которых вторая часть еще подразделяется на шесть отделов (фасл). Первая часть посвящена истории сефевидов до прихода их к власти; вторая - истории сефевидов до 1052/1642 г. и третья - истории упомянутого выше шаха Аббаса II.

4. Текст этой последней третьей части совпадает с известным нам текстом сочинения Мухаммеда Тахира, посвященного истории Аббаса II.

5. Из этого факта следует, что известное нам сочинение Мухаммеда Тахира о шахе Аббасе II представляет собой не что иное, как только одну (третью) часть большого труда Мухаммеда Тахира, посвященного общей истории сефевидов. Сравнение текста предисловия к сочинению в нашей рукописи с его текстом в печатном издании также подтверждает сделанный здесь вывод.

6. Из научной литературы известно о существовании у Мухаммеда Тахира труда по общей истории сефевидов под названием Рийѣ ат-тавѣрийх ("Сады историй"), однако сведениями об его рукописях мы пока не располагаем. Исходя из содержания нашей рукописи, мы имеем все основания отождествить ее с названным здесь трудом Мухаммеда Тахира по общей истории сефевидов.

7. Выявление рукописи этого труда проливает свет на происхождение широко известного сочинения Мухаммеда Тахира о шахе Аббасе II. Кроме того, шестой отдел второй части этого труда, посвященный Сафи I (1038-1052/1629-1642), может иметь значение первоисточника для изучения истории царствования названного здесь сефевидского шаха.

К ИСТОРИИ СЛОЖЕНИЯ КОЛЛЕКЦИИ РУКОПИСЕЙ НА СРЕДНЕ-
ИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ ИЗ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА В РУКОПИС-
НОМ ОТДЕЛЕ ЛО ИНА АН СССР

1. Археологические открытия в Центральной Азии в конце 19-начале 20 в.в. положили начало изучению домусульманской культуры этого края. В результате многочисленных экспедиций почти на всей территории Восточного Туркестана (в основном, в Хотане, Куче, Карашаре и Турфане) были найдены памятники письменности на различных шрифтах и языках, относящиеся преимущественно к 8-9 вв. Среди них были документы на среднеперсидском и двух других вновь открытых языках иранской системы - согдийском и сакском. Рукописи были как религиозного (манихейские, христианские и буддийские), так и частного характера (письма, путеводители, глоссарии и т.д.).

2. В результате русских археологических экспедиций в Восточный Туркестан и особенно благодаря деятельности отдельных лиц (Н.Ф.Петровский, Н.Н.Кротков и др.) в стенах Азиатского Музея АН создавалась коллекция рукописей на среднеиранских языках (среднеперсидском, согдийском и сакском).

3. Привлечение протокольных и архивных материалов Восточного отделения Русского археологического общества, Историко-филологического отделения АН, Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, Азиатского Музея АН, а также Архива востоковедов при ЛО ИНА АН СССР и Архива АН СССР дает возможность проследить историю сложения коллекции рукописей на среднеиранских языках центрально-азиатского собрания ЛО ИНА.

4. Тщательное знакомство с рукописями центрально-азиатского фонда позволило определить состав и объем коллекции среднеиранских материалов. Были исправлены ошибки, допущенные ранее при инвентаризации среднеиранских документов в определении их языковой и коллекционной принадлежности. Кроме этого, удалось среди неинвентаризованной части центрально-азиатского собрания обнаружить около 50 согдийских и среднеперсидских фрагментов.

БУМАГА ИЗ ХАРА-ХОТО

1. Расцвет государства тангутов в 10-13 в.н.э. вывал к книжной значительную письменную и печатную продукцию. Об этом свидетельствует огромная библиотека, найденная П.К.Коваловым в Хара-хото.

Необходимым условием развития книжного дела является наличие дешевого и удобного материала для письма и книгопечатания. Такой материал - бумага - известен в странах Центральной Азии и Дальнего Востока уже давно.

К моменту возникновения тангутского государства бумага получила широкое распространение во всех странах Востока. Тангутам оставалось лишь принять и развить производственный процесс, разработанный их соседями - китайцами и уйгурами.

2. Рассмотрение вопроса о тангутской бумаге естественно начать с материала, из которого она изготовлялась.

Народы Дальнего Востока использовали для изготовления бумаги главным образом растительное волокно-бамбук, рисовую солому, бумажную шелковицу, коноплю.

По мере удаления от границ Китая к западу в составе сырья для бумаги начинает преобладать тряпичная масса. В Центральной Азии, более засушливой и безлесной, чем Китай, растительное волокно в чистом виде труднее добыть. Полукочевой образ жизни обитателей этого района затрудняет использование для изготовления бумаги отходов сельского хозяйства, как это было в Китае, стране древней земледельческой культуры.

Анализ тангутской бумаги, сделанный в лаборатории ВНИИБ, показывает, что во всех образцах преобладает хлопчатобумажная и льняная тряпичная масса.

3. Тангутская бумага отличается от китайской и уйгурской особым расположением вертикальных линий сетки. Правильное чередование больших и малых промежутков между ними создает впечатление "двойных" вертикальных линий. В дешевых сортах бумаги это чередование иногда нарушено.

В одном сантиметре тангутской бумаги содержится, как правило, семь горизонтальных линий.

4. Сразу после просушки бумажный лист резался по определенному формату. Наиболее распространенный формат для тангутской бумаги - 20 на 50 см. Были и другие форматы.

5. Соседи тангутов - уйгуры и китайцы - применяли обработку поверхности готового листа, т.н. шихту. Для этой цели употреблялись клей, желатин, сухая крахмальная мука. Среди образцов тангутской бумаги встречаются такие, поверхность которых кажется шихтованной.

6. Тангуты, так же, как и их соседи, иногда окрашивали бумагу. Эта искусственная окраска, в сочетании с фактурой, позволяет выделить несколько сортов тангутской бумаги.

А) Обычная, серо-коричневая, неокрашенная бумага.

Б) Бумага белая.

В) Бумага желтая.

Г) Бумага красная.

Последние три сорта употреблялись главным образом для буддийских произведений.

7. Датировку тангутских письменных памятников по качеству бумаги затрудняет наличие большого количества сортов на протяжении короткого периода времени.

8. Тангутскую бумагу легко отличить от бумаги других народов Востока. В тексте доклада будет обращено особое внимание на сравнение тангутской бумаги с бумагой из Дуньхуана, а также с уйгурской, арабской и самаркандской бумагой.

Н.Н.Туманович

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.В.БАРТОЛЬДА

Этапы формирования фонда В.В.Бартольда (фонд № 68) архива Академии Наук СССР и история его изучения. Первый изданный обзор фонда был сделан не-востоковедом и касался лишь части материалов (Труды Архива АН СССР, вып.1 Л. 1933 г. стр.113-114). Пересмотренное обозрение фонда очень кратко и представляет собой тематический перечень архивных материалов В.В.Бартольда. (Труды Архива АН СССР вып.5. М.-Л., 1946 г. стр.225-229).

В настоящее время большинство хранящихся в фонде научных материалов В.В.Бартольда опубликовано. Содержание неопубликованных

работ вводится в научный обиход в подготовленном мною к изданию Описании архива В.В.Бартольда. Названное описание имеет целью дать представление обо всем фонде № 68 в целом и, по возможности, о каждой единице хранения, в частности.

Материалы о научной и педагогической деятельности В.В.Бартольда до сего времени в подавляющем большинстве оставались неизвестными. Настоящий доклад посвящен знакомству с наиболее интересными из них. Материалы об общественной деятельности рассматриваются по трем линиям:

1. Материалы о работе в Академии Наук и ряде организаций при ней. Среди приводимых в докладе документов - Отчет В.В.Бартольда о работе в Академии истории материальной культуры за 1920 год, который свидетельствует о равносторонней и напряженной работе В.В.Бартольда в области археологии даже в такой трудный период; составленное В.В.Бартольдом "Положение о коллегии востоковедов" (май, 1921 г.) заслуживает внимания для истории русского востоковедения; проблемы, поставленные В.В.Бартольдом за год до кончины, (1929 года) отражены в цитируемом его пятилетнем плане; насколько эти проблемы сохраняют актуальность, видно из того, что некоторые из них и сейчас стоят в планах наших сотрудников.

2. Представленные в архиве бумаги позволяют проследить этапы 36-летней деятельности В.В.Бартольда в Восточном отделении Русского археологического общества (с 1894 г. - член-сотрудник, с 1900 г. - действительный член; с 1905 по 1912 г. - секретарь, с 1912 г. - член Совета ВОРАО; редактор XVIII-XXI томов Записок ВОРАО и 1-У томов Записок Коллегии востоковедов). В фонде хранятся написанные рукой В.В.Бартольда протоколы всех заседаний ВОРАО за 1907-1912 гг.

3. Среди документов, связанных с работой В.В.Бартольда на посту редактора крупного научного журнала "Мир Ислама", в архиве сохранилась переписка ученого о председателем общества востоковедения генералом Шведовым. В письмах Шведова отражается настоятельное желание Совета Общества превратить журнал в рупор колониальной политики царизма и попытки привлечь к этому делу В.В.Бартольда; письма последнего свидетельствуют о твердой позиции ученого, не поступившегося своей научной совестью ради сохранения портфеля редактора солидного журнала.

Среди материалов о педагогической деятельности В.В.Бартольда обращает на себя внимание записка "Несколько слов о преподава-

нии истории Востока", экскурс в историю университетского востоковедения и программы ряда курсов лекций, читавшихся В.В.Бартольдом. Эти бумаги представляют большой интерес для истории науки.

К.А.Бойко

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ АРАБСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В МУСУЛЬМАНСКОЙ ИСПАНИИ В VIII - IX вв.

1. Историческое творчество в мусульманской Испании (Андалусия) на протяжении около столетия после завоевания (711 г.) отражало родо-племенной уклад арабов-завоевателей, которые принесли с собой устное сказительство. Воспоминания о прошлом, о военных подвигах и битвах, историко-генеалогическое племенное предание и составляли содержание исторического знания мусульман Испании в тот период.

2. С начала IX в. в результате многочисленных походов андалусцев в культурные центры Востока в Испанию широко проникают традиционные мусульманские знания, среди которых немалое место занимает и историографическая продукция халифата (то же историко-генеалогическое племенное предание, жизнеописание пророка Мухаммада и его сподвижников, сочинения по истории халифата и др.). Андалусцы воспитываются на этих произведениях и сами создают работы на подобные темы.

3. Древнейшие арабские известия о Испании появились за пределами страны, в основном в Египте, в первой половине и середине VIII в. Египет играл роль связующего звена между западными и восточными провинциями халифата; для западных областей, в том числе для Испании, он был политико-административным центром. Вся информация о событиях на Пиренейском п-ве поступала прежде всего в Египет. В Испанию эти рассказы попадают с конца VIII - начала IX века.

4. Общие условия развития общественно-политической жизни арабской Испании в первой половине IX в. (стабилизация политического положения династии Омейядов, процесс консолидации арабских племен, прекращение племенных междоусобиц и т.д.) вызывают обособление местной духовной культуры, проявление интереса к ис-

торическому прошлому и настоящему страны. Начинает складываться местная арабо-андалусская историческая традиция.

5. В IX в. историографическое творчество проходит путь от устной передачи до письменной фиксации в середине и второй половине столетия. Тематика оригинального исторического знания весьма ограничена и воплощается в малых формах. Истоки его следует видеть в собирательстве сведений о лицах, связанных с самой ранней эпохой страны - ее завоеванием, сведений дидактического характера о ранних и современных законоведах, судьях, праведниках. Такая деятельность проложила путь к жанру биографии. Появляются немногочисленные сочинения о истории завоевания, сборники биографий лиц отдельных профессий.

М.А. Дандамаев

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ПОЗДНЕЙ ВАВИЛОНИИ

В VI в. до н.э. в Вавилонии возникло ословие зависимых земледельцев, которые назывались иккару. Они принадлежали храмам, государству или частным лицам, но не считались рабами и по своему правовому статусу были близки к колонам Римской империи.

Иккару были прикреплены к земле и не могли оставить без разрешения владельца свое местожительство. В тех случаях, когда они, оставив работу, бежали в другое место, их ловили, заковывали в кандалы и возвращали обратно.

В храмовых архивах сохранились списки иккару, содержащие десятки, а в ряде случаев и сотни имен земледельцев с перечнем членов их семей. Они были разбиты на рабочие отряды, во главе которых стояли "начальники над иккару".

Иккару не имели своей земли, а нередко были лишены также рабочего скота и орудий производства. Часть этих земледельцев работала круглый год под надзором своих владельцев или их агентов и находилась на постоянном довольствии. Иногда их сдавали внаем партиями по несколько сот человек вместе с отдаваемой в аренду землей, орудиями и скотом.

Часто иккару получали от своих владельцев семена, волов и мертвый инвентарь (пуги, лопаты, мотыги и т.д.), самостоятельно обрабатывали выделенную для них землю и отдавали ее собственнику часть урожая, которая в зависимости от величины земельной площади составляла несколько тысяч или десятки тысяч литров зерна. Кроме того, со своих доходов иккару уплачивали также храмовую десятину.

С.Г.Кляшторный

ИЗ ОПЫТА СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕТИРКСКИХ ПАМЯТНИКОВ И КИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Древнетиркские рунические памятники Северной Монголии по мере их филологической и историографической разработки все более заслуживают право на признание за ними роли основного источника для истории второго Тиркского каганата. Вместе с тем, опыт показывает, что наилучшие историографические результаты могут быть достигнуты при сопоставительном изучении трех независимых друг от друга групп источников – древнетиркской, китайской и арабо-персидской.
2. На современном этапе исследовательской работы сопоставительный анализ не может быть ограничен задачами корреляции информационных уровней различных групп источников; еще не завершен поиск надежных отождествлений в сравниваемых потоках информации, отождествлений, которые могли бы стать исходными рубежами для дальнейшего поиска.
3. Одной из проблем такого рода исследований остается гипотеза о тождестве Тоньжука древнетиркских памятников с Аниде Гань-чжем китайских источников. Выдвинутая Ф.Хиртом, эта гипотеза позволяет охарактеризовать ранние этапы истории второго Тиркского каганата, синхронизовать события, исправить ошибки одной из групп источников, оценить значение политической дискуссии, отраженной в памятниках каганата.
4. Негативная оценка гипотезы Лю Мао-цаем опровергается не только историографическими аргументами, но и результатами ономастического анализа. Китайское имя является калькой тюркского с общим значением "первородное сокровище".

ГОСУДАРСТВО МУКАРРИБОВ САБА³
(Проблема периодизации)

1.0. Начальный период сабейской истории, совпадающий с наиболее ранним этапом древнеегипетской цивилизации, доступным изучению на современном уровне наших знаний, традиционно называется "периодом мукаррибов Саба³".

1.1. Эта периодизация основана на чисто формальном признаке-титule верховного правителя сабейского государства.

1.2. Хронологические рамки периода - конец II тыс. до н.э. - IV в. до н.э. - продолжают оставаться весьма спорными.

1.3. Выявить соотношение формальной и социально-экономической периодизации - цель настоящего сообщения.

1.4. Для достижения цели следует разделить имеющиеся эпиграфические источники на группы по формальным признакам и сравнить социально-экономическое содержание надписей внутри этих групп.

2.0. Надписи с титулом "мукарриб Саба³" позволяют твердо установить палеографические границы периода - он охватывает графические периоды А, В и частично С.

2.1. Исследование отдельных категорий надписей по этим критериям (палеография и формуляр - с одной стороны, государственные институты и социально-экономические данные - с другой) дает противоречивые результаты.

2.2. Наиболее массовый материал - votивные надписи - показывает полное совпадение формально-хронологического и социально-экономического деления: в пределах графического периода С происходит одновременное изменение формуляра и содержания надписей (объектов посвящения, характеристики посвященных и т.п.).

2.3. Строительные надписи дают ту же картину, но она, может быть, не столь показательна, так как строительство в период мукаррибов находилось в основном в руках правителей.

2.4. Юридические надписи по большинству типов совершенно одинаковы для периода мукаррибов и периода "царей Саба³ традиционной династии". Правда, можно выявить типы надписей, засвидетельствованные только для одного из периодов, но нет ни одной группы текстов, в которой можно было бы проследить изменение формуляра или содержания на границе периода мукаррибов и периода царей.

3.0. Анализ эпиграфических источников показывает, что переход от периода мухаррибов к периоду царей сопровождался рядом изменений в религии и экономике сабейского государства.

3.1. В области религии следует отметить вытеснение культа 'Астара культом "национального божества" сабейцев 'Алмаха и рост авторитета локальных храмов.

3.2. В области экономики следует отметить рост храмового хозяйства, укрепление частной собственности на землю, сокращение хозяйственных функций государства и советов старейшин.

3.3. Изменение титула правителя говорит о переменах и в государственном устройстве, вероятно- незначительных.

4.0. В то же время следует отметить неизменность многих важнейших общественно-политических и социальных категорий и институтов.

4.1. Продвигает существовать общесабейский совет старейшин и, видимо, племенные советы.

4.2. Сохраняется деление государства на "эпонимные" племена и система "череда" этих племен, то-есть закономерной смены представителей этих племен на важнейших государственно-религиозных постах: эпонимов, членов общесабейского совета старейшин и т.п.

4.3. Сохраняется верховная собственность племени (общины) на какие-то категории земель.

4.4. Видимо, в какой-то мере продолжают существовать переделы земли.

5.0. Проведенный анализ подтверждает закономерность выделения "периода мухаррибов" как особого этапа в истории древнейшей цивилизации.

5.1. Этот период можно считать частью более крупного этапа, включающего также "период царей Саба" традиционной династии".

5.2. Весь этап в целом можно определить как период ранне-рабовладельческого общества (конец II тыс. до н.э. - I в. до н.э.).

5.3. Он характеризуется существованием таких институтов родо-племенного строя, как совет старейшин в роли верховного государственного органа и племенная собственность на землю.

6.0. Период мухаррибов Саба³ можно определить как эпоху окончательного сложения классового общества и государства.

6.1. Он характеризуется сохранением большинства экономических категорий и политических институтов родо-племенного строя и постепенным преобразованием их в категории классового общества и государственные органы.

7.0. Исследование показывает также, что формальная периодизация в значительной мере совпадает с социально-экономической.

А.С.Мартынов

ФАНЬСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ В ЭПОХУ МИН

1. Представленный доклад посвящен разбору отношений Китая с тибетскими (фаньскими, по официальной терминологии того времени) племенами, обитавшими на западных окраинах провинций Шэньси и Сычуань (минское административное деление) и за их пределами в эпоху Мин.

2. Данная тема представляет интерес в двух отношениях. Во-первых, в связи с историей пространственного роста китайского общества. Во-вторых, в связи с изучением китайского государства.

3. Наиболее разработанным является второй аспект. В настоящее время крупнейшим авторитетом в этих вопросах является О.Латимор. Он подходит к проблемам пограничной истории прежде всего как к взаимоотношению двух хозяйственных комплексов, уделяя основное внимание их пространственному росту, обусловленному хозяйственной организацией, и их военным взаимоотношениям.

4. Данный подход сформировался в основном на истории китайско-монгольских отношений, где его применение не вызывает больших возражений. Однако для фаньской периферии он нуждается, на наш взгляд, в существенном дополнении, в выяснении роли китайского государства в этих отношениях.

5. Перед китайской политикой в тибетских землях стояли в эпоху Мин две задачи: обеспечение безопасности пограничных китайских земель и упорядочение обмена с тибетцами.

6. Традиционное китайское решение этих задач состояло в том, чтобы монополизировав все отношения с тибетцами, сделать обмен орудием "умиротворения" фаньского края.

7. С этой целью обмен основными продуктами (тибетские лошади за китайский чай) совершался под строгим контролем государства по двум каналам: через систему обязательных поставок лошадей в

специальные чайные конторы, где их обменивали на чай, и через систему приеэдов с данью ко двору.

8. История функционирования этих институтов показывает, что они не способствовали разрешению ни одной из двух важнейших задач китайской политики. Они не отвечали потребностям обмена, были для него прокрустовым ложем и тем самым увеличивали напряженность на границе.

9. Стихийное развитие обмена деформировало изнутри эти институты, превратив их фактически в прикрытие контрабандной торговли. Это внавало упадок государственной торговли чаем и ненормально быстрый рост рядов данников. На всем протяжении династии Мин правительство боролось с этими явлениями, но оказалось бессильным изменить ход дела.

10. В связи с этим встает вопрос: чем объясняется подобное положение? Имело ли здесь место неправильное понимание со стороны китайских политиков конкретной ситуации на фаньской периферии или же для данного государства данная политика была единственно возможной?

С.Прозоров

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В РАННЕМ ХАЛИФАТЕ

1. В период правления умайадской династии (661-749 гг) в халифате происходили частые вооруженные выступления в защиту прав потомков дома пророка на верховную власть. Одновременно с этим велась острая полемическая борьба, в процессе которой формировались религиозно-политические взгляды соперничавших партий. Какие бы обвинения ни выдвигались против умайадов и какие бы доводы ни приводились в защиту прав потомков семьи пророка, в конечном счете идеологическая и вооруженная борьба велась за достижение политической власти.

2. Реальными претендентами на эту власть выступали ахиды, потомки Али, - аята пророка и четвертого "праведного" халифа. Борьба за возвращение власти дому пророка практически означала борьбу за признание прав на верховную власть ахидов, как единственных потомков и ближайших родственников пророка.

Аббасиды, потомки ал-Аббаса, дяди пророка, вели активную пропаганду в защиту прав семьи пророка, однако вплоть до падения умайядской династии они не выдвигали своих претендентов на верховную власть.

3. Приход аббасидов к власти приводит к обострению алидо-аббасидских отношений, оказавших существенное влияние на формирование религиозно-политической доктрины верховной власти.

Для удержания политической власти аббасиды должны были парализовать претензии алидов и юридически обосновать законность своих прав, ибо алиды оставались их потенциальными соперниками и реальными претендентами на власть.

4. Один из ранних дошедших до нас памятников религиозно-исторической литературы - "Шиитские секты" ан-Навбахти (конец IX в) - свидетельствует о том, что попытка юридически обосновывать законность прав аббасидов на верховную власть была предпринята впервые в правлении третьего аббасидского халифа ал-Махди (775-785). Халиф ал-Махди расчленил понятие "семья Пророка" и повелевал признавать верховную власть за дядей пророка, ал-Аббасом, как старшим среди его ближайших родственников.

Таким образом, с периода правления ал-Махди можно говорить о размежевании религиозно-политических взглядов аббасидов и алидов, о возникновении собственно шиитского движения.

5. Последующая борьба шиитов против аббасидской династии получает отражение в обширной полемической литературе. К концу IX в. появляются первые шиитские сочинения, рассматривавшие историю шиитства и его сект как развитие единой системы вероучения. Двухвековой путь шиитской религиозно-исторической литературы - от собрания шиитских преданий через исторические монографии, генеалогическую и полемическую литературу - завершается систематизацией и синтезированием накопленного материала, формированием общешиитской идеологии.

Ю.А.Петросян

ПАНОСМАНИЗМ В ИДЕОЛОГИИ МЛАДОТУРОК

1. Паносманизм как идейно-политическая концепция сформировался в 60-70 г.г. XIX века. Его основное содержание было впервые четко определено идейными предшественниками младотурок - "новыми

османами". Именно они стали выдвигать в своих публицистических пронаведениях и в прессе идею единства всех народов многонациональной турецкой державы в пределах "общей родины" — Османской империи.

2. В пропаганде "новых османов" идеи паносманизма выдвинулись на передний план в условиях мощного роста национально-освободительных движений народов Османской империи. Эти идеи стали для руководителей и идеологов "новых османов" важнейшим идейным обоснованием возможности и необходимости сохранения империи и власти правящих кругов над населяющими ее народами.

3. Когда в 90-х г.г. XIX в. началась активная пропагандистская деятельность общества "Единение и прогресс", паносманизм как идейная концепция занял в ней ведущее место. Он стал, в сущности, основой программы младотурок в национальном вопросе. Идея единения народов в рамках преобразованной в парламентскую монархию империи была лейтмотивом многих политических статей газет младотурецкой эмиграции и издававшихся в различных эмигрантских центрах пропагандистских брошюр.

4. Определяющим моментом в паносманистской пропаганде было сознательное стремление младотурецких лидеров насаждать это утопическое "ощущение общего патриотизма" с совершенно определенными политическими целями. Османистская концепция младотурок была, в первую очередь, направлена против освободительных движений нетурецких народов Османской империи. С другой стороны, наиболее дальновидные деятели младотурецкого движения сознавали, что союз с экономически весьма сильной многонациональной буржуазией остро необходим для успешной борьбы с феодально-абсолютистским режимом Абдул-Хамида II.

5. Использование паносманистской доктрины препятствовало созданию подлинного союза революционных сил всех народов Османской империи, выступавших против феодального абсолютизма. Национально-освободительные движения нетурецких народов Османской империи, стремившихся к полному освобождению от векового турецкого владычества, в этот период уже невозможно было перевести в русло "общей борьбы с деспотией султана".

6. У младотурецких лидеров в их пропагандистских статьях и брошюрах, наряду с множеством рассуждений о "единстве патриотических чувств", то и дело проскальзывали плохо завуалированные шовинистические мысли.

Подчеркивание роли и значения турок в многонациональном Османском государстве было не редким явлением и в пропаганде младотурок, в частности на страницах издававшихся ими газет.

7. В пропагандистской деятельности младотурок довольно часто отчетливо звучала мысль о том, что лишь полный отказ от национально-освободительных целей может дать нетуркам право участвовать в деятельности комитетов общества "Единение и прогресс".

8. В целом, паносманистская пропаганда не принесла больших политических результатов.

Паносманизм как идейная концепция был с самого начала обречен на полный провал. Его появление и использование в практике политической борьбы молодой турецкой национальной буржуазии определялось поисками путей сохранения целостности Османской империи в новых социальных и политических условиях.

В обстановке бурного развития национально-освободительных идей и устремлений у различных веками угнетенных нетурецких народов империи, паносманистские идеи были столь же реакционны, сколь и утопичны. На деле они лишь мешали единству всех буржуазно-революционных сил многонациональной страны в борьбе с феодально-клерикальной реакцией.

З.Я.Ханин

ПРОБЛЕМА БУРАКУМИН И ЕЕ ИЗУЧЕНИЕ

1. Социальная группа, называемая в настоящее время буракумин, - это сложное, противоречивое и своеобразное явление в истории Японии и в мировой истории. Эта группа сформировалась из пестрого профессионального и социального объединения людей, получившего еще в далеком прошлом общее название - сэммин (подлые, в противоположность рёмин - благородные). Сэммин играли значительную роль в развитии ремесел, искусства и в народных движениях страны. Проблема буракумин является чрезвычайно острой и в настоящее время. Однако не только сами отверженные подвергались жесточайшей дискриминации, изучение их истории также практически было запрещено и считалось сомнительным и вредным делом.

2. До II мировой войны изучение истории японских париев не было систематическим и широким. Существовал ряд традиционных кон-

цепций, извращавших сущность института отверженных. Практически первые шаги в подлинно научном исследовании различных аспектов проблемы буракумин были сделаны лишь после рисовых бунтов 1918г., и особенно после создания в 1922 г. общества Суйхэйся – общества уравниения (например, работы Кита и Такахаси). Однако всестороннее, систематическое и организованное исследование проблемы буракумин в целом началось лишь после II мировой войны. В 1948 г. в Киото был создан Институт изучения проблем буракумин (Бураку мондай кэн-кюсё), который с 1949 г. начал издавать специальный периодический журнал "Бураку мондай кэнкю", а с 1954 г. – журнал "Бураку". Появились многочисленные исследования по буракуминоведению, наиболее значительными из них являются работы Нарамото, Хаясия, Фудзия, Иноуэ, Китаяма, Уэда и Ямамото. В ряде высших учебных заведений читаются курсы лекций по истории буракумин. Во многих префектурах созданы общества изучения различных аспектов проблемы отверженных, главным образом на основе местных материалов. В 1962 и 1963 гг. были проведены общепонские научные конференции буракуминоведов. Все это может свидетельствовать о размахе осуществляемой работы и о том значении, которое придается ей.

В последние годы изучением проблем буракумин начали заниматься и в других странах, в частности, в США и Англии (Корнелл, Смит, Бремелд, Донаг и Пассин).

3. В настоящее время исследования ведутся в различных направлениях. Изучаются отдельные частные документы, материалы, относящиеся к определенным населенным пунктам и районам страны. Исследуются проблемы ремесла, быта, образования и культуры буракумин. Имеются работы, посвященные определенным историческим периодам в жизни отверженных, а также и общие работы. Широкий размах приняла дискуссия о происхождении отверженных: существуют теории религиозной, профессиональной, инонародной, политической, социальной основы происхождения буракумин и другие теории. Важное место в исследованиях последних лет занимают проблемы эволюции юридической базы дискриминации, роли париев в народных движениях, идей, связанных с институтом отверженных. Ведется кропотливый анализ исторических материалов с целью выяснения, в частности, происхождения и содержания многочисленных терминов, определявших разные группы сэммин (например, эта, кавата, каварамоно, сака-но моно, хинин и т.д.).

4. Несмотря на ряд специфических, характерных лишь для Японии форм проявления, институт буракумин по своей сущности и закономерностям развития – это явление того же порядка, что и отверженные во всех странах мира в прошлом и в настоящем. Таким образом проблема буракумин не является какой-то частной и изолированной. Это одно из многих проявлений социальной, расовой или религиозной дискриминации в различных буржуазных странах.

И.Ш.Шифман

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПАЛЬМИРСКОГО ОБЩЕСТВА 1-III вв.н.э.

0.1. Исследование социальной структуры пальмирского общества представляется существенно важным для понимания процессов, происходивших на территории эллинистическо-римской Сирии.

0.2. Основным источником по названной проблеме являются надписи, составленные на арамейском (пальмирском письмом) и греческом языках: посвятительные, почетные и надгробные, пошлинный тариф и иные постановления пальмирских властей. В ряде случаев они, указывая титулатуру и карьеру упоминаемых лиц, позволяют проследить судьбу отдельных родов на протяжении длительного времени (от полутораста до двухсот лет).

0.3. Этот материал для эллинистическо-римской Сирии уникален, чем и определяется необходимость его систематизации и анализа.

1.1. Из эксплуатируемых элементов пальмирского общества прежде всего должны быть упомянуты рабы, фигурирующие в пошлинном тарифе как объект купли-продажи.

1.2. По данным надписей, в Пальмире весьма широко было распространено вольноотпущенничество, причем в руках вольноотпущенников скапливались значительные средства.

1.3. В пальмирских надписях неоднократно упоминаются "сыны дома" – совокупность лиц, зависевших от домовладыки.

1.4. Большое значение в Пальмире, особенно во II-III вв., приобрела клиентела.

2.1. Свободное население Пальмиры было по преимуществу земледельческим. Косвенные данные (исследование надгробных надписей, где мавзолей и их доли служат объектом купли-продажи) позволяют утверждать, что в Пальмире господствовала частная собственность

на землю. Пошлинный тариф показывает, что палмирские власти стремились обеспечить стабильность местного хозяйства и оградить его от конкуренции.

2.2. Значительную роль в жизни Пальмиры играли ремесло и торговля.

2.3. На раннем этапе истории Пальмиры там господствовала местная родовая аристократия. Однако, с конца II века можно констатировать ее упадок. На смену приходят новые люди — приближенные местных правителей, обязанные карьерой и положением своим господам. Некоторые знатные прежде роды в III в. снова, после упадка, занимают высокое положение, но уже как клиенты "новых людей" (такова была, например, судьба рода Септимиев, потомков Цеппера).

3.1. Как представители "старой", так и представители "новой" аристократии считали для себя важным пройти (полностью или частично) курс городских магистратур. Это свидетельствует не только о жизнестойкости полисных учреждений в I-III вв. н.э., но и о том, что они продолжали играть значительную роль в обеспечении господства правящих классов палмирского общества на различных этапах его истории.

В.А.Якобсон

ПОРУЧИТЕЛЬСТВО В НОВО-АССИРИЙСКОМ ПРАВЕ

1. 1. Институт поручительства известен месопотамскому праву еще по крайней мере со старо-вавилонского периода. Однако сущность этого института в ново-ассирийский период далеко не ясна. Настоящий доклад является попыткой рассмотреть этот вопрос на основе как уже изучавшихся, так и вновь привлеченных материалов.

2. В ново-ассирийских документах встречаются два термина для обозначения поручителя: *bēl qātāte* и *urkī*.

П. 1. *Bēl qātāte* выступает только в тех документах, которые оформлены как долговые расписки, причем всегда без залога.

2. Все документы этого рода могут быть разделены на две группы:

- а) документы, в которых поручителем является один (или несколько) человек из целой группы должников, и

б) документы, в которых поручитель (или поручители) сами должниками не являются.

3. Поручитель выступает как представитель всей совокупности должников и как посредник между ними и кредитором. Он собирает с должников надлежащие суммы и выплачивает кредитору всю сумму долга целиком.

4. Поручитель также несет субсидиарную ответственность по данной сделке, т.е. выплачивает долг в том случае, если должник почему-либо этого не сделает. Иначе говоря, поручительство относится не к субъекту сделки, а к ее объекту.

III. 1. Поручитель, именуемый *urkt*, фигурирует в сделках по купле - продаже рабов.

2. Поручитель, по-видимому, гарантирует надлежащее качество продаваемых рабов.

3. В случае, если покупатель по вине продавца несет убытки, поручитель обязан возместить ему ущерб.

IV. 1. *Вел qatate* и *urkt* в том случае, если они понесли убытки в качестве субсидиарных ответчиков, имеют право на регрессный иск к виновнику убытков, т.е. к должнику или, соответственно, продавцу.

Ю.Е.Борщевский

ДАСТАНЫ И НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВОГО ИРАНА

1. На протяжении всей средневековой истории стран ислама наряду с "высокой" поэзией и прозой существовала обширная по репертуару, равнообразная по тематике и жанрам и фольклорная по образованию "низкая", т.е. народная словесность. Изучение народной культуры стран ислама невозможно без учета и равностороннего исследования репертуара, бытования, роли и значения народной словесности в политической, общественной и культурной жизни страны в различные периоды ее истории.

2. Материал этот весьма обширен и не только не изучен, но даже не учтен. Цель доклада - дать краткую характеристику персидских народных романов (*дастанов*) и наметить некоторые конкретные пути их исследования.

3. Репертуар народной словесности различных стран ислама не исчерпывается произведениями повествовательного содержания, в него входят религиозные легенды, повествования о пророках и святых, цеховые рисале, сборники "полезных" молитв и амулетов, сонники, гадательные книги, сборники различных примет, рецептов народной медицины, описания чудесных и целебных свойств камней, животных, и т.п. Эти сочинения представляют интерес не только для этнографа и историка культуры, но и для литературоведа, так как они тесно связаны с повествовательными произведениями.

4. Известно более двадцати арабских и персидских названий различных видов повествовательных произведений: асмар, афсане, дастан, зарифе, киссе, латйфе, масал, нади́ре, накл, ривайат, саргозаят, сира, устуре, хабар, хадис, хикайат, хурафат и др. Значение и употребление этих терминов менялось на протяжении истории их существования, и историко-филологическое исследование их может осветить историю возникновения и существования различных литературных жанров, и помочь при выработке до сих пор несуществующей их классификации.

5. Классификация произведений персидской народной словесности представляет большие трудности ввиду многоплановости употребляемых для их обозначения терминов, различного - фольклорного и книжного - происхождения произведений одного жанра и т.п. Предложенная иранским ученым Мухаммадом Махдзубом классификация может рассматриваться лишь как предварительная попытка; принятые в западном литературоведении определения далеко не всегда здесь подходят. Так, дастан (персидский народный роман) имеет много общего с западными рыцарскими романами, но различия между ними слишком значительны, чтобы можно было принять последний термин.

6. Основные виды персидских народных романов. Авантурная "Книга об аййаре Самаке" и подражания ей. "Роман об Александре Македонском" и связанный с ним цикл романов о Дарии, Фируз-шахе и других. Исторический роман о вожде анти-омейядского восстания в Иране (747-750 г.н.э.) Абӯ Муслиме и романы о богатыре Ахмаде Замчи. "Дастан об Амуре Хамзе". Поздние дастаны: "Хусайн Курд", "Ами́р Арслан Рӯми".

7. Сходство и различие между дастанами. Различные категории источников дастанов. Связь с поэтическими дастанами. Ранние дастаны как источник и образец для более поздних. Художественно-стилистические особенности: структура, приемы развития действия,

язык. Основные категории действующих лиц. Места действия: реальная и фантастическая география. Типичные эпизоды: единоборства и битвы, странствия, любовные сцены, пиры, колдовство и сверхъестественное, публичные диспуты.

8. Дастаны как исторический источник. Отражение реальной жизни в дастанах. Изменения в содержании и характере дастана на протяжении его многовекового существования. Отношение различных слоев общества к дастанам в различные исторические периоды.

9. Авторы и рассказчики. Легендарные авторы: создатель цикла дастанов Абӯ Тәхир Тарсӯсӣ и сведения о нем. Реальные авторы-работчики: накқали, киссеханы. Первые сведения письменных источников о них. Данные о цехах скоморохов и лицедеев. "Футувватнаме-и султаний" Хусайна Вайза Кāшифӣ. Руководство по технике публичного рассказа Абд ан-Набӣ Фахр аз-Замāна. Персидские поэтические антологии о профессиональных рассказчиках. Сведения европейских путешественников; данные в современных иранских работах. Меняющийся репертуар. Места и формы исполнения. Устойчивость традиций.

10. Рукописи произведений народной словесности и их основные особенности.

11. Связи с другими литературами, в первую очередь с турецкими и арабской. Дастаны в мусульманской Индии. Влияние персидских дастанов на грузинскую литературу. Схожие явления в европейских и дальневосточных литературах.

12. Основные задачи изучения народных романов:

- а) научное описание отдельных коллекций;
- б) учет известных произведений, его формы и методы;
- в) монографические исследования различных версий одного дастана;
- г) необходимость в объединении усилий востоковедов различных специальностей при изучении народных романов.

Л.Л.Громковская

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД В ТВОРЧЕСТВЕ НАКАНО СИГЭХАРУ

1. Начальный период в творчестве современного японского писателя Накано Сигэхару (род.1902 г.), - от первой публикации его произведений в 1920 году до ареста и тюремного заключения в 1932 году - хронологически почти полностью совпадает с перио-

дом пролетарского литературного движения в Японии (1921-1933). Имя Накано называют в числе активнейших участников этого движения.

2. Начало литературной деятельности Накано Сигэхару связано с самостоятельным журналом литературного кружка "Полярная звезда", который издавался силами учащихся "котогакко" в городе Канадзава. Интерес к отечественной поэзии (Сайто Мокити, Китахара Хакусю, Хагивара Сакутаро) и увлечение живописью оказали несомненное влияние на формирование эстетических взглядов Накано. В литературной судьбе Накано в этот период известную роль сыграл писатель Муроо Сайсей. Первые опыты перевода с немецкого (Ведекинд, Лилиенкрон) способствовали расширению круговора начинающего литератора. Эти годы юности отражены в автобиографическом произведении Накано "Расставание с песней" (1939 г.).

3. В Токиоском университете, студентом которого становится Накано, будущий писатель с жаром отдается творческой работе. В эти годы он более всего печатается в журналах "Статуя" и "Осел".

4. В "период борьбы" (1924-1927) Накано выступает как один из ведущих пролетарских поэтов. Будучи сторонником тезиса о том; что главной целью литературы в целом и поэзии в частности является политико-просветительская пропаганда, Накано, тем не менее, в своем творчестве перешагнул узкие рамки собственных теоретических положений и создал стихи, принадлежащие к лучшим образцам новой поэзии с точки зрения поэтического мастерства. ("Ваморье Китами", "Люди великого принципа", "Песня").

5. Ранняя проза Накано представлена немногочисленными рассказами. В различных журналах им опубликовано в этот период около десяти рассказов. ("Глупая женщина", "Между волнами" и др.). Японская критика к лучшим прозаическим произведениям этого времени относит рассказы: "Весенний ветер", "Рассказ Тэцу", "Про сахар". Первые два рассказа, впоследствии много раз переиздававшиеся, впервые увидели свет на страницах журнала "Боевое знамя" соответственно в 1928 и 1929 годах. "Про сахар" был опубликован в 1930 году в журнале "Реконструкция".

6. "Весенний ветер", написанный по горячим следам мартовских событий 1928 года, решен в подчеркнуто плоскостном изображении. Аскетизм изложения событий в их прямолинейной последовательности, напряженная динамика повествования, выраженная синтаксическими

и графическими средствами, являются приемами, с помощью которых автор стремится сосредоточить внимание читателя на центральном эпизоде рассказа.

7. Элементы схематизма, излишняя декларативность проявляются и в рассказах "Рассказ Тэцу" и "Про сахар". Однако здесь можно видеть, что арсенал изобразительных средств, которыми свободно владеет Накано, гораздо разнообразнее, чем это было в "Весеннем ветре". Более сложная композиция, меткие характеристики действующих лиц, достоверные жизненные детали, выразительный язык повествования делают эти рассказы литературно-значимым явлением.

8. Яркое литературное дарование, хорошая филологическая подготовка, суровая школа жизни, пройденная писателем, дали ему возможность уже в начальный период творческой деятельности создать художественно полноценные стихи и прозу. Гражданская позиция автора, безоговорочно отдавшего свой талант "атакующему классу", ставит его ранние произведения в число лучших образцов демократической литературы Японии.

Д.Д.Елисеев

О НЕКОТОРЫХ СРЕДСТВАХ ХАРАКТЕРИСТИКИ В КОРЕЙСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ НОВЕЛЛЕ ПХЭСОЛЬ (XV-XVII вв)

1. Авторы пхэсоль включали в свои сборники прозаические произведения устного народного творчества - предания, народные новеллы, анекдоты и т.д. Наибольшее предпочтение они отдавали народной новелле и анекдоту - бытовому реалистическому рассказу, где изображалась частная жизнь человека, его реальные достоинства и недостатки.

2. Новелла пхэсоль, возникшая в результате обработки этих произведений, оформилась как литературное явление в XV в. в период зрелости литературы пхэсоль. Главным средством создания человеческого образа в новелле пхэсоль осталось изображение человека в процессе конкретного действия, его активно-речевая характеристика. Однако новеллисты внесли в народный рассказ некоторые усовершенствования, в частности, они сделали попытку применить портретную, обстановочную и стилистическую характеристику.

3. Портрет в новелле пхэсоль не является сколько-нибудь подробным описанием внешности персонажа, очерчивается несколькими беглыми штрихами, и совершенно не индивидуализирован. Наблюдаются два принципа изображения: а) портретная характеристика зависит от психологической, создается гармония красоты (или некрасивости) внешней и внутренней. Между эстетическим и этическим проводится знак равенства; б) портретная характеристика противоречит психологической, допускается возможность резкого контраста между "внешним" портретом и "внутренним".

4. Пейзаж стал объектом изображения еще в древности, главным образом, в лирике. В средние века, в частности, в литературе пхэсоль, он изображался в пейзажном очерке. Но и в лирике, и в пейзажном очерке пейзаж был до известной степени самоцелью, выдвигался на передний план и характеризовал лишь один человеческий образ — образ самого автора. На поздних этапах развития литературы пхэсоль отдельные детали пейзажа (обстановки) стали использоваться в качестве дополнительного художественного средства характеристики и в новелле.

5. Новелла пхэсоль, генетически восходящая к народной новелле, сохраняет в значительной своей части стилистические особенности, присущие последней — обиходно-бытовую лексику (вплоть до вульгаризмов), несложность синтаксических конструкций, простейшие тропы и т.д. Она — один из немногих жанров корейской средневековой литературы, где употребление традиционных китайских стилистических приемов сведено до минимума. Стиль как дополнительное художественное средство здесь не играет еще большой роли, хотя отдельные попытки применить и это средство имеют место.

Д.Л.Кроль

К ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ "ЗАПИСЕЙ ИСТОРИКА"

1. Литературные особенности "Записей историка" (Ши цзи) Сыма Цяня во многом объясняются специфическим отношением их автора к налагаемому материалу. Свою основную задачу Сыма Цянь видел в систематизации и изложении "предания" в широком смысле слова:

всего, что дошло до него в письменной или устной традиции и что он находил заслуживающим передачи. При этом он считал, что "предание" изменению не подлежит. С его отношением к тому, что он признавал фактом, несовместим был свободный вымысел.

2. Установка на "предание" и вместе с тем потребность высказаться по поводу изложенного обусловили то, что Сыма Цянь по примеру предшествующей исторической литературы прибег к "работе" двумя нессливающимися "голосами". Один из них - это безличный и бесстрастный голос "предания", призванный как бы от третьего лица "изложить события прошлого". Другой - это личный и глубоко эмоциональный голос историка, высказывающий мнение от первого лица (его высказывания предваряются словами "господин великий астролог сказал" и встречаются обычно во введениях и эпилогах к главам Ши цзи). У обоих голозов не только разные функции (предметные задания) и эмоциональная окраска, но и стилистически они обработаны по-разному. Выделяя в произведении голос своего "я", Сыма Цянь бросает тень объектности на "изложение событий прошлого", создает дистанцию между своим "личным" голосом и голосом "предания". Возникает впечатление, что этот второй голос - как бы не его и в то же время его.

3. Материал, изложенный бесстрастным голосом "предания", обычно иллюстрирует идеи и схемы человеческого поведения, упомянутые или охарактеризованные "личным" голосом историка. Иногда, если сведения о человеке не укладываются в избранную историком схему, Сыма Цянь приводит эти сведения не в биографии данного лица, где стремится дать монолитный образ, а в других главах своей книги. Таким образом, у обоих голосов автора несмотря на различия - единая смысловая направленность. Ши цзи - это произведение монологическое.

4. Речи исторических и псевдоисторических лиц, цитаты из чужих произведений, вкрапленные в "изложение событий прошлого" - суть объектные моменты монологического авторского контекста; они не только направлены на свой предмет, но сами являются объектом авторской направленности. Это чужое слово, которое Сыма Цянь "не меняя его смысла и тона, подчиняет своим заданиям".

В контексте глав Ши цзи эти речи и цитаты (кстати сказать, не выдуманные, а заимствованные Сыма Цянем из источников) при-

обретают новую функцию — по большей части они служат для характеристики того или иного исторического лица, участвуют в формировании его образа. При этом смысловая направленность этих речей и цитат может не совпадать с авторской направленностью на них как на чужое слово. Так, Сыма Цянь приводит предсмертные речи Сян Ю, Мэн Тяня, Ли Сы и др., куда вложена мысль о невинности этих людей, и сам же опровергает эту мысль в эпилогах соответствующих биографий. Ясно, что его направленность на эти речи состоит не в желании оправдать этих людей, а в стремлении показать, как сильно они заблуждались (см. Ши цзи, гл.7,87,88). Он цитирует оды в честь циньского императора не потому, что хочет прославить его вместе с автором этих од, а потому, что задается целью показать, насколько самоуверен и слеп в своих ошибках был этот монарх (см. Ши цзи, гл.6).

В других случаях смысловая направленность речей совпадает с авторской направленностью. Исследователи отмечали, что Сыма Цянь нередко использовал прямую речь какого-либо "третьего лица", чтобы высказать собственную точку зрения о поднятом вопросе или об историческом деятеле. Историк особенно охотно композиционно выделял такое чужое слово, с помощью которого он хотел передать свое отношение к происходящему, помещая его в конце главы, перед своим высказыванием от первого лица (см. Ши цзи, гл.30).

Л.Н.Меньшиков

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС (на материале китайской литературы)

1. Литературу можно рассматривать как систему знаков, причем, в отличие от других видов искусства, в литературе знаками являются особым образом организованные средства языка, или художественные языковые средства.

2. Опыт развития различных наук показывает, что наука только тогда приходит к точности исследования, когда найдены первоэлементы, составляющие структуру. В литературе таким элементом будут, очевидно, художественные языковые средства или стилистические приемы.

3. Все прочие свойства литературы есть сумма ее элементов, но не простая сумма, а дающая при сложении ряд новых качеств, отсутствующих в каждом элементе отдельно. Поэтому кроме изучения элементов в литературоведении необходимо изучение этих новых качеств — композиции, образной системы, суммы идей, взаимодействия литературы и общества и т.п. Но основой литературоведения, всех его отраслей, не может не быть изучение художественных средств или стилистика. Естественно, что изучение этих средств должно проводиться в историческом аспекте, так как литературоведение есть наука историческая и элементы литературы постоянно изменяются и развиваются.

4. В истории китайской литературы одним из многих художественных средств является прием параллельных построений. По истории этого приема есть специальное исследование: Лю Линь-шан, Чжунго пянъвень ши, Шанхай, 1938 (Лю Линь-шан, История китайских параллельных построений). Поэтому удобно, используя материал Лю Линь-шана, попытаться на его примере установить некоторые закономерности развития художественных средств в истории литературы.

5. Параллельные построения в виде вкраплений встречаются в любом произведении древней китайской литературы, написанном до нашей эры. Но употребляются они стихийно, скорее потому, что данный прием вытекает из свойств китайского языка или речи, чем потому, что авторы осознали параллельные построения, как особый стилистический прием.

6. В III—IV веках н.э. параллельные построения переживают наивысший расцвет, став обязательным приемом всех произведений, претендующих называться изящным словом. В произведениях, не относящихся к "изящному слову" (повествовательный сюжетный рассказ, история и т.п.), авторы начинают избегать параллельных построений. Следовательно, это период осознания этого стиля и размежевания его с другими стилями.

7. В V—X веках обязательность параллельного стиля начинает казаться стеснительной. Это был один из аспектов движения "за возврат к древности". В произведениях деятелей этого движения (Хань Юй, Лю Цзун-кань и др.) параллельный стиль встречается, но уже как один из приемов, не доминирующий над другими. В то же время параллельный стиль как стиль прозаического повествования находит свое место в простонародной литературе (бянь-вень).

8. В XI–XIII веках рождается нормативная теория параллельного стиля, собираются сборники образцов его, и он становится классической, заостеневает и в дальнейшем не развивается, хотя произведения в этом стиле и продолжают появляться. Широко употребляются вкрапления из параллельных фраз и в произведениях более сложной формы (роман, драма и т.д.).

9. Таким образом, как видно из примера параллельных построений, историю литературы можно рассматривать как историю осознания стилистических приемов. Ранее эти приемы могли употребляться стихийно как средства языка. После осознания, пройдя период обязательного употребления в тех или иных жанрах, они становятся одним из средств в общей стилистической системе литературы. В результате создается гибкий и разнообразный комплекс стилистических средств, делающий возможными неисчислимое количество литературных форм.

10. С этой точки зрения жанр в литературе можно определить, как серию литературных произведений, употребляющих один и тот же набор осознательных стилистических средств. Поэтому сравнительно легко выделить жанры в ранние периоды развития литературы, когда набор осознанных средств еще ограничен, а в более поздние периоды, по мере увеличения стилистического комплекса, такое выделение затрудняется, пока не становится практически почти невозможным.

11. С изложенной точки зрения становится возможным установить соотношение между фольклором и собственно литературой после их разделения. В фольклоре могут стихийно употребляться все те средства, которые встречаются потом в литературе. Но в литературе эти средства переходят в сферу осознанного употребления и потому достигают высшего совершенства.

Ж.С.Мусаэлян

НОВЫЕ ВАРИАНТЫ КУРДСКОГО НАРОДНОГО СКАЗАНИЯ "ЗАМБИЛЬФРОШ"

1. "Замбильфрош" – оригинальное романтическое курдское народное сказание о молодом продавце корзин и жене владетельного эмира (хатун). Это единственное курдское произведение жанра городской литературы. В государственной Публичной библиотеке им.Салтыкова-Щедрина хранятся рукописи литературной обработки сказания,

приписываемой курдскому поэту XV в. и до недавнего времени оставшейся неизвестной.

2. Сказание пользуется большой популярностью среди курдов. Интерес ученых проявился к нему с конца XIX в. (А.Социн, О.Манн, Г.Макаш; затем А.Авдал, А.Джинди, А.Шамилов). Однако собиратели ограничивались только публикацией текстов, ни один из них не ставил перед собой задачи исследовать это произведение.

3. Записи текстов дают нам возможность определить сферу распространения сказания о Замбильфроше (Турция, Армения, Иран и Сирия). Есть основания предполагать, что родиной сказания явилась Турция. Все варианты записаны на северном диалекте курдского языка за исключением текста О.Манна (на южном диалекте).

4. Все варианты при наличии единой сюжетной линии отличаются деталями, эпизодами, концовками и, очевидно, восходят к одной общей версии.

5. Летом 1964 г. в Грузии и Армении мне удалось собрать 10 новых вариантов сказания "Замбильфрош". Почти все они записаны из уст неграмотных стариков-дангбежей. Один из вариантов - стихотворный, остальные переданы в стихах и прозе.

6. Все новые варианты "Замбильфрош" имеют единую сюжетную канву, в каждом из них соблюдается принцип определенной последовательности всех эпизодов и сцен. Однако при наличии единого сюжета варианты отличаются в деталях, эпизодах и, особенно, в концовках. При этом концовки новых вариантов отличаются от концовок опубликованных записей. В них прослеживаются сказочные мотивы, знакомые по фольклору курдского и других народов (железные башмаки и посох, райский сад с гуриями, родник между могилами влюбленных и т.д.).

7. Во всех вариантах одинаково трактуется образ гордого, смелого, честного Замбильфроша.

По-разному выступает образ хатун. Во многих опубликованных текстах жена эмира - отрицательный персонаж, в новых вариантах эта любящая, сильная женщина вызывает симпатию. В интерпретации сказителей она заслуживает любви героя.

8. Сопоставив все имеющиеся в нашем распоряжении варианты, можно предположить, что они восходят к единой версии. Вероятно, один или несколько фольклорных вариантов легли в основу литературной обработки, приписываемой курдскому поэту XV в. В дальней-

шем, по-видимому, литературный вариант в передаче певцов-сказителей приобрел популярность и любовь слушателей; автор же его оставался неизвестен или был забыт. В процессе рассказа дангбежи вносили свои изменения и интерполяцию; часто забывая подлинный текст, вводили прозаические вставки.

Все имеющиеся у нас варианты - поздние и, как нам кажется, восходят к литературной версии.

9. Язык новых вариантов прост. Широко использована разговорная речь (особенно в прозаических частях) и образно-поэтические средства (в стихотворных частях). Наряду с традиционными художественно-изобразительными приемами, общими для многих вариантов повествования, рассказчики обогащают варианты новыми образными выражениями.

10. Материал новых вариантов подтверждает мысль о существовании единой основной версии предания "Замбильфрош" в отличие от других курдских сказаний ("Юсуф и Зулейха", "Мам и Зин", "Лейли и Меджнун"), которые имеют несколько вариантных групп.

Новые варианты дают дополнительные сведения для трактовки образов (в частности, образа хатун).

Эти же варианты представляют дополнительный материал для изучения языка сказания, его художественно-поэтической формы.

С.Л.Невелева

СРАВНЕНИЕ В МАХАБХАРАТЕ

1. Теория поэзии в Индии - одна из наиболее развитых наук. Расцвет ее совпадает с периодом упадка классической литературы, выразившегося в нарочитой формализации поэзии, в излишне строгом следовании установленным канонам. Индийская поэтика исследовала в основном две стороны поэтического творчества: создание соответствующего настроения (раса) и вкладываемый поэтом в свое произведение тайный, небуквальный смысл (дхвани).

2. Задолго до появления классических трудов законодателей индийской поэтики приобрели свой законченный вид великие эпические поэмы "Рамаяна" и "Махабхарата". Язык их относительно прост, лаконичен и крайне далек от поэтической изощренности раннего средневековья.

3. Стиль "Махабхараты" - величаво-описательный, рассказ ведется с подлинно эпической неторопливостью. Языковые и стилевые приемы способствуют созданию размеренного ритма. Замедленность повествования достигается как за счет "внутренних" средств - отягощение сюжетной линии второстепенными эпизодами, введение все новых и новых подробностей, - так и за счет "внешних" - употребление медлительного размера (шлоки), оговоренность каждого действия, частое употребление эпитетов и сравнений. Сравнения являются одним из важнейших приемов художественной характеристики в эпической поэзии. То же самое можно сказать о древнеиндийской литературе в целом.

4. Морфолого-синтаксическая характеристика сравнений:

а) Сравнение может быть выражено предложением и отдельным словом (сложным прилагательным, которое можно определить как эпитет-сравнение; или сложным наречием).

б) Сравнение, выраженное предложением, может быть 1) полным, когда налицо сказуемое; 2) усеченным, когда сказуемое в таком предложении отсутствует. Если сравнение выражено несколькими предложениями, его можно назвать развернутым.

в) Вводится сравнение двояким путем: 1) с помощью наречий со значениями "как", "как будто", "как... так и ...": *iva*, *yathā*, *yathā - tathā*, *yathā - evam* и т.д. Различие между ними чисто функциональное: *iva*, реже *-yathā*, вводят обычно усеченные сравнения, тогда как сочетания наречий *yathā-tathā* и *yathā-evam* употребляются исключительно для введения полного сравнения; 2) путем словосложения, т.е. образования сложных прилагательных и наречий с помощью слов уподобления и суффиксов (*sama*, *upa-*, *vat*).

5. Наиболее интересным представляется вопрос семантической характеристики предмета сравнения. Иными словами, что служит источником сравнений, для создателей Махабхараты? Прежде всего - окружающая природа, которая описывается в эпосе не сама по себе, а как соответствующий фон того или иного события или переживания. Все, что приковывает обращенный к небесам взгляд создателей эпоса, служит для них широким полем для ассоциаций. Грозное зрелище лесного пожара наводит на мысли о неистовстве и беспощадности, а в мифотворчестве отражается как пламя конца света.

Разнообразная флора и фауна дает обильный материал для сравнений, причем если в Европе часто поэтизируются животные и растения, чужие для нее (лев, тигр, лиана), то индийские поэты обращаются за вдохновением только к своей природе.

Немаловажным источником сравнений предстает повседневный обиход, быт в широком смысле этого слова. Так, смуглокожие красавицы сравниваются с золоченными алтарями, сдерживаемые чувства – с упряжкой коней. Внимание к миру человеческих чувств и переживаний дает древним авторам возможность сравнить душевную ясность со спокойным сном праведников, а лодку, мечущуюся в океане, с безумной женщиной, не находящей себе места.

В памяти такого народа, как индийский, хранится множество мифов и легенд, поэтому легко возникают прочные ассоциации, основанные на уже имеющемся творческом багаже. Мифологические персонажи и реалии, привлекаемые для сравнения, можно разделить на несколько близкородственных подвидов:

а) боги: во-первых, просто "бог", как олицетворение неведомой сущности и всемогущества, и, во-вторых, отдельные боги с их характерными чертами и атрибутами (Индра, Шива, Яма, Кама, маруты и т.д.);

б) священные, часто вымышленные, города (Амаравати), рожи (Нандана), горы (Мандара);

в) герои и события легенд, ставших в силу общеизвестности и признанности своеобразными "жизнями" (Рама, сын Джамадагни, царь Яяти, мудрец Капила).

М.И.Никитина

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О ДРЕВНЕЙ КОРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ НА КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ (хянга) В "ЖИТИИ КЮНЁ"-Й "САМГУК ЮСА"

1. Хянга или санве норе – общее наименование поэтических произведений на корейском языке, записанных способом иду. Это название употреблялось и для обозначения определенного типа поэтических произведений – так называемых "десятистрочных хянга". Тексты хянга (их сохранилось 25, самые поздние датируются X веком), дошли до нас в двух произведениях буддийских авторов: "Житии Кюнё" (1075 г.) Хёк Нён Чхона и "Самгук юса" (1285 г.) Ким Ир Ёна.

2. Эти памятники, сообщая различные сведения о древней поэзии, позволяют, в частности, составить представление о том, какое место в корейской словесности в разное время занимала поэзия на корейском языке.

"Житие Кюнё" дает возможность предположить, что до середины X в. поэзия на китайском и корейском языках в Корее существует приблизительно на равных правах. Свидетельства об этом мы находим в предисловии Цой Хэн Гви к его переводам стихов Кюнё, где поэзия на корейском языке сопоставляется с китайскими жанрами цун и фу как не менее важная. Там же говорится о необходимости переводить корейские стихи на китайский язык не для корейцев, а для китайцев, чтобы они могли по достоинству оценить корейскую поэзию. Цой Хэн Гви указывает, что и до него велась переводческая работа Цой Чхи Воном и Ким Дэ Муном. Значит, на корейской почве общение двух культур в области поэзии происходило еще на равных основаниях.

"Самгук юса" свидетельствует, что к XIII веку позиции литературы на китайском языке и на корейском языке уже не равны. Если аргументация в "Житии Кюнё" ориентирована "на китайцев", то в "Самгук юса" мы, скорее всего, застаем спор с утвердившимся в умах самих корейцев мнением о превосходстве поэзии на китайском языке. Свидетельства этому можно найти во многих разделах памятника.

3. Оба памятника дают также возможность судить об отношении буддийских кругов в Корее к поэзии на родном языке.

"Житие Кюнё" - наиболее ранний из сохранившихся памятников. В нем цитируется предисловие на китайском языке, которое написал Кюнё к своим хянга, где он прямо говорит о том, что хочет использовать любимую народом поэтическую форму хянга - "средство развлечения людей в мире" - для распространения среди мирян идей буддизма.

В том же памятнике обсуждается вопрос о замене скандирования одной из сутр исполнением одиннадцати хянга Кюнё. "Житие Кюнё" не описывает самой процедуры скандирования сутры или исполнения вместо нее хянга, однако, здесь могут помочь путевые записи японского буддиста Эннина (IX в.), посетившего Корею и оставившего описание обрядов проповедей по сутрам и скандирования сутр в корейских буддийских общинах того времени.

В "Самгук юса" есть указания на то, что корейскими стихами заменялись не только сутры, но и другие элементы буддийского ритуала. Так, в истории о Вольмёне говорится, что тексты молитв, которые исполнялись во время обряда разбрасывания цветов, могли заменяться хянга.

4. Тенденция вводить в буддийский ритуал корейские стихи, заменяя ими иноязычные тексты центральных частей ритуала, по-видимому, относится к сравнительно позднему времени (вторая половина УШ-Х вв.) и является нарушением нормы, так как и автор "Жития Кюнё", и автор "Самгук юса" стремятся доказать правомерность замены, оправдать отклонение от общепринятого и узаконить его.

Активное, заинтересованное отношение к хянга автора "Самгук юса", а также помещение в книге текстов хянга без переводов и дополнительных разъяснений заставляют предположить, что хянга и в XII в. были еще живой традицией.

Л.К.Павловская

ПИНХУА ПО ИСТОРИИ ПЯТИ ДИНАСТИЙ
(Некоторые предварительные наблюдения над
источниками и их использованием)

1. "Рассказывание истории" - цзян ши, цзян ши шу, янь ши - один из популярнейших видов народного искусства устного рассказа эпохи Сун.

2. Изучение жанра пинхуа представляет интерес, поскольку пинхуа - непосредственный предшественник и один из народных источников китайского исторического романа.

3. "Синь бянь удай ши пинхуа" - "Заново составленное пинхуа по истории Пяти династий" - одно из произведений народных сказителей на сюжеты истории Пяти династий. Состоит оно из пяти глав и десяти частей. Рукопись сочинения была найдена в 1901 году коллекционером Цао Дань-чжуном и опубликована У Цзинь-дуном в 1911 году.

4. "Пинхуа по истории Пяти династий" - первое известное в народной литературе сводное повествование, близкое к историческому роману, почти целиком построенное на материале официальной истории. Кроме того, здесь мы сталкиваемся с несколько необычным доселе (а также среди других пинхуа) принципом использования текста сочинения, являющегося основой повествования - переносом текста истории в текст пинхуа.

5. Историческими источниками "Пинхуа по истории Пяти династий" являются основным: - сводная история "Цан чжи тун цзянь" ("Всеобщее зеркало управлению помогающее") Сыма Гуана (1085 г.); дополнительными: Цзяо удай ши ("Старая история Пяти династий") Сюе Цзяочжэна (974 г.), "Синь у дай ши" ("Новая история Пяти династий") Оуян Сю (1060 г.), Цзяо Тан шу" (Старая история Тан) Лю Сюя (945г.) и "Синь Тан шу" (Новая история Тан) Сун Ши, Оуян Сю и др. (1060 г.) Текст "Пинхуа по истории Пяти династий" в значительной части состоит из текста этих историй.

6. Приемы переноса и использования текстов истории различны: дословная цитация текста или его очень незначительное сокращение; сокращенный, почти конспективный, перенос текста истории в текст пинхуа; сочетание текстов нескольких историй; включение в текст историй авторского текста; данные историй как основа для развернутой авторской импровизации.

7. Фольклорные заимствования и жанр "загадка".

8. Внешняя структура "Пинхуа по истории Пяти династий" сохраняет основные элементы более ранних жанров простонародной литературы: стихотворное вступление, прозаический зачин, изложение темы, стихотворное заключение. Количество стихотворных вставок и параллельных построений невелико. Во внутренней же организации материала сохраняется форма летописания Сыма Гуана - бьяньнянь - (погодные записи).

9. На протяжении многовековой истории Китая эволюция исторических сюжетов имела две тенденции развития - письменную и народную, в значительной части изустную. Оба эти направления постоянно взаимодействовали друг на друга. В творчестве народных "рассказчиков истории" это взаимодействие нашло свое дальнейшее выражение. Пинхуа творческий синтез классической историографии и народного повествования.

10. В композиции повествования можно условно выделить три плана: а) первый, общий, план - судьбы главных деятелей эпохи пяти династий - точное следование сюжетам и фактам истории; б) второй план - определенный выбор сюжетов и их целенаправленная компоновка, авторская интерпретация исторических фактов, отход от истории и создание новых сюжетов (пока связанных только с второстепенными персонажами); в) третий план - художественное твор-

чество самого автора. В соответствии с этими планами автор применяет различные приемы переноса и использования текста историй.

Л.С.Савицкий

**"ЗАПИСИ ДОСТИГНУТОГО" И "ЗАПИСИ ПРОСЛУШАННОГО"
И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И ЛИТЕРАТУРЫ ТИБЕТА**

1. Характеристика того класса биографической литературы, который составляют "записи достигнутого" и "записи прослушанного" дана впервые А.И.Востриковым (Тибетская историческая литература, М., 1962).

2. Разыскания, проведенные в тибетском фонде ЛО ИНА, показали, что наиболее авторитетные и крупные сочинения располагаются хронологически следующим образом (до ХУП в. были известны только первые пять сочинений):

1) "Запись прослушанного" (22 л.) Пагпа-ламы Лодой-джалцана (1235-1280), настоятеля монастыря Сакья и главы этой же секты.

2) "Запись прослушанного" (27 л.) Цзонхавы (1357-1419), основоположника учения секты Гелуг-па и самой секты, господствующей в Тибете.

3) "Запись прослушанного" (44 л.) Кхайдуп Гелег-палзангпо (1385-1438), самого близкого ученика и последователя Цзонхавы.

4) "Запись достигнутого" (1536 л.) 5-го Далай-ламы (1617-1682), главы Гелуг-па и первого религиозного и светского правителя Тибета.

5) "Запись достигнутого" (1234 л.) Ловсан-принлая (род. в 1642 г.), ученика 5-го Далай-ламы. Краткий разбор содержания 4-го и 5-го сочинений сделан впервые Востриковым.

6) "Запись прослушанного" (150 л.) 1-го Джамьян-шадпы (1648-1722).

7) "Запись достигнутого" (290 л.) 2-го Панчен-ламы (1663-1737).

8) "Запись достигнутого" (л.) 7-го Далай-ламы (1708-1757).

9) "Запись прослушанного" (245 л.) Дагпа-джалцана (1762-1837), 23-го настоятеля монастыря Лавран.

10) "Запись достигнутого" (241 л.) 4-го Панчен-ламы (1781-1854).

3. Эти десять произведений далеко не равноценны по количеству и качеству сообщаемых сведений. Наиболее ценны сочинения 5-го Далай-ламы и Ловсан-принца, сообщающие чаще других произведений биографии деятелей, передававших различные традиции изучения буддизма, философии, астрономии и медицины (что впервые отмечено также Востриковым). Но всесторонние сведения по истории (например, для понимания взаимоотношений и борьбы различных сект страны за религиозную и светскую власть) и литературе Тибета может дать только исследование всей группы наиболее выдающихся "записей достигнутого" и "записей прослушанного".

4. Все сочинения, кроме первого, написаны в среде секты Гелуг-па. Если первое (автор Пагпа-лама) посвящено большей частью традициям передачи тантрических сочинений, заклинаний и методов вызывания в себе или перед собой образов тантрических божеств, то остальные произведения более универсальны, что вполне отвечает разнице между учениями сект Сакья-па и Гелуг-па.

5. Произведения основателей секты Гелуг-па Цзонхавы и Кхай-дупа скромны по размерам и широте охвата исторического и литературного материала - это обусловлено тем, что в начале XV в. вновь созданная секта Гелуг-па еще только начинала свою почти 250-летнюю борьбу за гегемонию и власть. И только 5-й Далай-лама, ставший первым правителем Тибета, мог написать обширное произведение, в котором отразились канонические взгляды секты Гелуг-па на традиции передачи различных сторон своего учения. Действительно, позднейшие авторы следовали именно этому образцу не только по содержанию, но часто и по форме.

6. Начиная с произведений Цзонхавы и Кхайдупа, сочинения деятелей секты Гелуг-па настойчиво утверждают, что эта секта объединяет все три традиции передачи Учения, ранее передававшиеся отдельно сектами Кадам-па, Сакья-па и Каджуд-па. Это сыграло определенную роль в успешной борьбе Гелуг-па за власть, так как ставило под сомнение целесообразность существования других сект.

7. "Записи достигнутого" и "записи прослушанного" сообщают большое количество сведений о содержании многих сочинений тибет-

ских авторов (чьи труды известны часто только по названиям), что может дать весьма ценный материал для изучения истории тибетской литературы. Кроме того, эти произведения дают редкую возможность определять авторов ряда сочинений и время написания их. Примером может служить датировка крупнейшего памятника тибетской этнографической литературы сборника "Книга секты Кадам-па" (Кадам-легбам).

Вышесказанное, разумеется, не исчерпывает всего значения этих весьма своеобразных тибетских биографических сочинений.

Г.В.Сорокоумовская

КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ Суад ДЕРВИШ (по материалам романа "Эмине")

1. Большие социально-экономические и политические перемены, произошедшие в Турции в результате победы национально-освободительного движения и кемалистской революции, определили серьезные сдвиги в идеологической жизни страны в целом, и в литературе в частности. С развитием капиталистических отношений и обострением социальных противоречий в турецкой литературе происходит четкое размежевание сил на сторонников буржуазного прогресса и защитников феодальной реакции. К 30-м годам наиболее прогрессивные представители турецкой интеллигенции составили вполне самостоятельное литературное течение - демократическое. Для деятелей этого направления ведущим стал принцип "общественной полезности". Они писали о народе и для него. Выдвижение народа на передний план в жизни общества обусловило утверждение нового героя в литературе. В произведениях писателей демократического лагеря им стал народ, "маленький человек". Примером глубокого интереса писателя к личности простого человека может служить роман Суад Дервиш "Эмине".

2. Суад Дервиш (р. в 1903 г.) является одним из первых представителей демократической литературы. Все ее творчество, от мелких рассказов 10-х годов до крупных романов настоящего времени, пронизано идеями гуманизма. Характер гуманизма Суад Дервиш на разных этапах был различен. Романом "Эмине", опубликование кото-

рого относится к 1931 году, заканчивался первый период творчества писательницы, в котором господствующими были идеи пассивного гуманизма, и открывался второй, отмеченный все нарастающим звучанием идей гуманизма активного. Сострадательные мотивы, мысли о бессилии и беспомощности человека перед предопределенностью судьбы, призывы к смирению, бедадействию и упованию на счастье в потустороннем мире в романе "Эмине" заметно заглушаются оптимистическими мотивами веры в человеческие возможности, утверждения социальной природы человека, его права на счастье в этом мире.

3. Основу концепции человека в романе составляет "маленький человек". Рассмотрение его ведется в новом ракурсе: он - главная фигура общества, решающая сила страны и одновременно - раб, жертва социальной несправедливости. Два аспекта отношения писателя к народу раскрываются через изображение народа в целом и через образ главной героини - крестьянской девочки Эмине. Народ с присущими ему качествами самоотверженности, патриотизма, природной силы, волевого напора является воплощением идей активного гуманизма; Эмине, доминанту характера которой составляют пассивность, покорность, - объяснением живучести идей гуманизма пассивного.

4. В романе на фоне борьбы турецкого народа с иностранными оккупантами показан жизненный путь крестьянской девочки-сироты, претерпевавшей эволюцию от безмолвной рабыни до убийцы мужа-тирана. Автор подробно проследживает диалектику внутреннего мира героини: ее чувств (от страха до негодования); ее сознания (от беспомощности до уверенности в своей силе), ее характера (от рабской покорности до решимости).

5. Новое звучание идеи человеколюбия особенно четко прослеживается в решении проблемы освобождения человека. Жалость и сочувствие заглушаются требовательностью к "маленькому человеку", который призывается к протесту.

6. Активный протест темной, бесправной, униженной и угнетенной турецкой женщины - героини романа, - символизировал пробуждение сознания турецкого народа, новые перемены, назревавшие внутри турецкого общества.

КИТАЙ В ЕВРОПЕ XVII-XVIII в.в.

(Из истории культурных взаимодействий)

1. До конца XIX в. Европа не имела надежных и достоверных сведений о Китае. Основанное на рассказах путешественников по Китаю представление о таинственной стране чудес укреплялось экзотическим впечатлением, которое производили на европейцев образцы китайского фарфора, лаковых изделий и шелка, привозимые европейскими купцами. Увлечение европейской знати коллекционированием китайских редкостей сопровождалось имитацией китайских произведений искусства европейскими мастерами. Возникает мода на "китайщину", культ "шинуазри".

2. В понятие "китайщины" ("шинуазри") следует включать не только привозимые из Китая в Европу XVII-XVIII в.в. образцы прикладного искусства, специально изготовлявшиеся для европейского рынка, и европейские их имитации, но и европейские подражания произведениям китайской литературы, и произведения европейской литературы, в которых фигурировал экзотизированный Китай. "Китайщина" - это не просто некомпетентная попытка имитировать китайское искусство; это, одновременно; и отражение своеобразного видения Китая европейцами.

3. Особенного расцвета увлечение "китайщиной" в Европе достигает в первой половине XVIII в., в связи с развитием во Франции нового стиля искусства - р о к о к о. Возникший как реакция на классицизм, условный, декоративно-театрализованный, галантный стиль рококо охотно использовал экзотические мотивы китайского искусства, причудливые линии китайской архитектуры и орнамента. Ватто, Буше, Гюе, Пилемен расписывают в "китайском духе" комнаты королевских дворцов; "китайские комнаты" во дворцах и домах знати украшаются экзотическими предметами "китайского искусства"; во Франции, Германии, Англии, России, Италии создаются "китайские постройки" в стиле рококо; противники "формального" французского парка находят поддержку в сформулированной Чемберсом теории "китайского сада".

4. Если увлечение Китаем наложило определенный отпечаток на европейское искусство первой половины XVIII в., то влияние этого увлечения в области художественной литературы было незначительным, оно не внесло почти ничего нового ни в содержание, ни в форму европейской литературы. Китай в художественной литературе Европы этого времени фигурировал как развлекательная тема, как экзотический фон для веселого действия. Произведения европейской драматургии конца XVII-первой половины XVIII в.в., написанные на "китайскую тему", не имели ни познавательной, ни идеологической ценности; их авторы не стремились пропагандировать свои взгляды на Китай, а просто отдавали дань всеобщему увлечению китайской экзотикой.

5. Отношение к "китайской теме" меняется в эпоху Просвещения: элемент "развлекательности" исчезает, на смену представлению о "стране сказочной роскоши" приходит представление об "Империи мудрецов", в которой на практике воплощен просветительский идеал Просвещенной монархии. Фантастический Китай художников рококо сменяется воображаемым Китаем философов-просветителей, черпавших свои представления из писем миссионеров и их переводов книг конфуцианского канона. Просветители используют "китайскую тему" для насмешки над абсурдностями европейского образа жизни и для пропаганды своих политических и социальных теорий.

6. Деятели европейского Просвещения не были единодушны в своей оценке Китая. Некоторые английские просветители (что объясняется своеобразием условий, в которых развивалось английское просветительское движение), в частности Дефо, насмехались над преувеличенным восхищением Европы китайской государственностью и развенчивали Китай, как "страну идолопоклонства и суеверий".

Ни дифирамбы Вольтера, ни инвективы Дефо не могли дать их современникам объективного представления о Китае.

7. Художники рококо и деятели Просвещения в своих представлениях о Китае отображали лишь некоторые, частные стороны китайской культуры, однако подлинного Китая той эпохи Европа в этот период еще не знала. Знакомство Европы с подлинным Китаем началось на рубеже XIX и XX веков по трудам синологов и их переводам произведений китайской литературы.

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ НОВОЙ КУРДСКОЙ ПОЭЗИИ
В ЮЖНОМ КУРДИСТАНЕ

1. Литературное движение в Южном Курдистане неразрывно связано с основанием столицы бабанского эмирата - г. Сулеймани (1784 г.). Последняя четверть XVIII в. считается переходным периодом в жизни бабанского эмирата: население переходит от отсталого сельского уклада к городскому; развивается местная промышленность и торговля, возникает торговая буржуазия. В связи с изменением структуры общества происходит подъем и в области духовной культуры - зарождается новая литература (поэзия) на южном диалекте курдского языка.

2. Литературе на южном диалекте (в особенности района Сулеймани) еще совершенно не изучена.

Ряд работ курдских ученых, посвященных этому вопросу, представляет собой лишь свод биографических сведений о поэтах с приведенными образцами их стихотворений.

3. Между тем, изучение этого периода показывает, что творчество поэтов этого времени является краеугольным камнем, на котором выдвигается вся дальнейшая курдская литература. Произведения этого периода стали неиссякаемым источником художественной мысли поэтов будущих поколений, создавших на их основе новые литературные жанры и стили.

4. Новая поэзия в южном Курдистане (в частности, в р-не Сулеймани) зародилась на основе традиций курдской средневековой классической литературы. Основные поэтические формы этого периода - газель и касведа, в которых еще чувствовалось сильное влияние арабско-персидского стихосложения (аруз).

При этом содержание поэзии этого периода оставалось чисто национальным. Основная тематика стихов - любовная лирика, воспевание природы Курдистана, любовь к родине и восхваление национальных героев.

5. Основоположниками новой поэзии на южном диалекте считаются выдающиеся курдские поэты - Нали (1800-1856), Салим (1805-1869) и Курди (1812-1850). Характеристика их творчества. Появление патристических мотивов в творчестве Салима и Курди.

6. Позднее это литературное движение выходит за рамки бабаанского эмирата и распространяется в других районах Южного Курдистана: в эмирате Соран с центром в г. Эрбиле (Ирак), Ардахан с центром в г.Сенне (Ирак) и Мукриан с центром в г.Махабаде (Ирак).

7. Хотя значительная часть стихотворений Наил, Салим и Курди утрачена в силу сложных исторических условий в Курдистане в ХУИ-ХІХ вв., но и те сравнительно немногие дошедшие до нас образцы вошли в золотой фонд курдской классической поэзии и вдохновили последующие поколения на создание поэзии, отразившей надежды и чаяния курдского народа, его стремления к независимости и свободе.

П.А.Баранников

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВ ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЯЗЫКА ХИНДИ В ИНДИИ

1. С конца ХІХ века в Индии стали появляться общества по распространению языка хинди, деятельность которых являлась составной частью национально-освободительной борьбы индийского народа против колонизаторов. В противовес пропаганде и распространению в Индии "чужого" английского языка, общества выступали за овладение индийцами "своим" хинди, который согласно широко распространенному мнению является "национальным языком" ("рантрабхаша") индийской нации.

2. Инициаторами создания или активными членами этих обществ были многие видные деятели национально-освободительного движения, носители различных языков страны.

3. На территории хинди важнейшими обществами являются "Нагари праचारини сабха" (Варанаси) и "Хинди сахитя саммелан" (Канхабад). В других районах страны в течение многих лет действуют общества "Дакшин Бхарат хинди праچار сабха" (Мадрас) и "Рантрабхаша праچار самити" (Вардха).

4. Проблема и политика "хинди-хиндустани-урду" оказали отрицательное влияние на деятельность обществ по распространению хинди. Положение и задачи этих обществ в независимой Индии претерпели определенные изменения. Общества продолжали пропаганду хинди -

наиболее распространенного языка Индии, единственного из современных индийских языков, получившего распространение и за пределами своей собственной территории. В нехиндийских штатах движение за овладение хинди ведется без ущемления интересов местного языка.

5. Основными направлениями деятельности обществ являются:

- а) преподавание языка хинди,
- б) издание учебной литературы,
- в) издание научной литературы (словари, энциклопедия, история литературы и др.)
- г) издание памятников литературы на языке хинди,
- д) сбор, хранение и публикация рукописей хинди,
- е) конференции и собрания, посвященные языку хинди,
- ж) издание выдающихся авторов литературы хинди,
- з) поощрение лиц, вносящих вклад в дело развития литературы хинди и пропаганды этого языка.

М.И.Воробьева-Десятовская

СЛОЖНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ В ТИБЕТСКОМ ЯЗЫКЕ УП-ХІ вв.

1. Тибетские грамматики обычно рассматривают в качестве глагола основу, осложненную частицей ра. Анализ самых ранних из доступных нам письменных памятников тибетского языка показывает, что и по происхождению, и по значению глагольную основу с частицей ра следует определить не как личную глагольную форму, а как имя.

2. Выступая в качестве имени, основы с ра принимают частицы мн.ч. и именного склонения и могут употребляться в функции подлежащего, именной части составного сказуемого, дополнения и определения.

3. Соответственно все сложные глагольные формы в тибетском языке УП-ХІ вв. следует рассматривать как формы, состоящие из имени с частицей ра и глагола=связки или вспомогательного глагола. В современном языке сложные глагольные формы получили широкое распространение и вытеснили из употребления простые формы, перенеся их функции и расширив сферу временных и модальных значений.

4. В языке УП-ХІ вв. сложные глагольные формы по формальным признакам можно разделить на две группы: а) основа глагола + ра + связочный глагол (yod, yin, lags, m̃his) б) основа глагола + раг + вспомогательный глагол (byed ṣguar и др.)

5. Сложные глаголы, в состав которых входят связки yod , yin , lags и m̃his представляют собой развернутые видо-временные формы (построенные по типу "ния + связочный глагол"), выполняющие функции простого глагола.

6. Анализ письменных памятников УП-ХІ вв. позволяет установить, что сложные глагольные формы со вспомогательными byed , ṣguar , 'oñ и др. появились в тибетском языке еще в "добуддийский" период – до начала переводов с санскрита буддийской литературы. Переводы с санскрита послужили лишь катализатором этого процесса и способствовали расширению употребления сложных глаголов. Увеличилось, в частности, и число глаголов, выступающих в функции вспомогательных.

7. Как в тибетском добуддийского периода, так и в языке переводов с санскрита, сложные глагольные формы никакого отношения к выражению временных значений не имеют и не могут считаться временными аналитическими формами.

8. Сложные глаголы указанного типа представляют собой видовые формы, характеризующие действие с точки зрения полноты и интенсивности, а также модальные формы, характеризующие действие с точки зрения долженствования и желательности. Особую группу составляют сложные каузативы.

9. Исследованный материал позволяет утверждать, что общим для всех трех групп сложных глаголов (интенсивных, модальных и каузативов) являются: а) схема построения: ния с частицей *paṣ* + вспомогательный глагол; б) видо-временные формы одних и тех же вспомогательных глаголов byed , ṣguar , 'oñ , bgyid

10. Различия этих трех типов сводятся к следующему:

1) Для вспомогательных глаголов: а) в структуре: только в интенсивах употребляются вспомогательные глаголы (ṣguar и 'oñ) только в модальных образованиях употребляются вспомогательные bya и bgyi ; б) в семантике форм: в модальных образованиях вспомогательные глаголы почти полностью сохраняют свое значение;

в каузативах значения вспомогательных глаголов могут быть прослежены только при раскрытии структуры и происхождения форм; в интенсивах вспомогательные глаголы полностью теряют свое значение.

2) Для смысловых глаголов: а) только в каузативах основа значимого глагола может соединяться со вспомогательными без помощи частицы -ра; б) только в каузативах основной глагол может иметь при себе местно-направительные частицы.

В.Г.Гузев

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

1. В докладе делается попытка выяснить факторы, обусловившие некоторые изменения, возникшие в фонетике турецкого языка на протяжении его 8-9 вековой истории.

2. Спирантизация /ɣ/ : /ɣ/ > [ç] > ø (в словах с гласными заднего ряда), [ç] > [ʃ] (в словах с гласными переднего ряда). Она произошла в пост- и интервокальной позициях. Фонетический фактор: ассимиляция, уподобление по характеру преграды. Фонологический фактор - "пустая клетка", отсутствие в системе фонем целевого коррелята фонемы /ɣ/. Названное явление представляет собой пример зависимости фонетической реализации фонемы от ее фонологического содержания (Н.С.Трубецкой, А.Мартине).

3. Аналогичное явление: /x/ > /h/ - фонологический фактор - "пустая клетка". Фонетические факторы сложнее. Они могли быть равными в зависимости от комбинаторных условий. Например, в словах *уорса* (<уокса>), *ахшам* (<акхам>) это могла быть спирантизация под действием целевых /a/ и /æ/, для которых целевой характер преграды - релевантивный признак. Здесь мы имеем частное проявление закона, формулирующего зависимость направления фонетической ассимиляции от фонологических условий (М.И.Стеблин-Каменский).

4. Переход /ɣ/ > /v/ произошел в позиции после губных гласных. Несомненна его зависимость от процесса спирантизации /ɣ/ в пост- и интервокальной позициях: /ɣ/ > [ç] ([ʃ]) > /v/

5. Переход /η />/п/ . Из истории некоторых тюркских языков известно, что фонема /η / может развиваться как в /п/ так и в /г/. В истории турецкого языка наблюдается только /η />/п/ . Но этот переход в литературном языке произошел довольно поздно в конце XIX - начале XX в. Согласный /η / использовался почти исключительно в пост - и интервокальной позициях. А в этих позициях: /г/> [ǧ] или /г/> [ʒ], процесс закончился в ХУП-ХУШ вв. (С.Каук). Переход /η />/г/ был, следовательно, невозможен, ибо /г/ была представлена в названных позициях спирализованном вариантом. Однако: *stıñ>stıñı* (т.е. /η />/п/ и /г/). Возможна связь этого явления с тем, что /η / находилась на стыке двух слогов. Для выяснения причин перехода /η />/п/ важно иметь в виду, что исчезновение /η/ из системы фонем турецкого языка не означает уменьшения количества дифференциальных признаков.

М.Н.Зислин

ОБ ОДНОЙ ОРИГИНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ГРАММАТИКИ ЕВРЕЙСКОГО ЯЗЫКА В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

1. В IX и в X вв. в еврейском (в том числе и караимском) языковании господствовала теория преобладания однобуквенных и двухбуквенных глаголов. Об этом свидетельствуют недавно найденные фрагменты потерянных сочинений IX в. и ранее опубликованные сочинения по лексикологии X века Давида бен Абрахама ал-Тисй и его единомышленника в Испании Менахема бен Сарука.

2. Эта теория не давала возможности определить состав корня, ибо исходным ее положением была неизменяемость согласных.

3. В конце X в. лингвистические сочинения Йехуды Хаййуджа совершили полный переворот в еврейской грамматической науке.

4. Йехуда Хаййудж открыл принцип изменяемости слабых согласных и закон трехбуквенности корня в еврейском языке.

5. Дальнейшее развитие закона трехбуквенности позволило Ибн Джанāху и Самуилу Нагīду в первой половине XI в. научно определить все важнейшие грамматические категории языка и точно установить состав большинства корней.

6. Победа закона трехбуквенности в XI веке была неполной. В начале XI века грамматики караимской "академии" в Иерусалиме создали на арабском языке всеобъемлющие сочинения по грамматике, опираясь на принцип неизменяемости согласных и на теорию преобразования однобуквенных и двухбуквенных корней.

7. Караимские грамматики создали оригинальную систему "спряжения" глагола еврейского языка без категории породы, используя принцип мнемотехнических знаков.

8. Эта оригинальная система изложена также в неопубликованном сочинении "Me'or 'ayin", написанном на еврейском языке в городе Гагра (1208 год).

9. Автор "Me'or 'ayin" делит буквы еврейского языка на корневые (יְהוָה) и некорневые. В свою очередь, некорневые буквы он делит на "bamy", которые несут лишь грамматическую функцию, и "me'ebad", которые частично несут смысловую функцию.

10. Глаголы ntn, ngā, na^c; yrd, yd^c и lkh, по мнению автора, имеют две корневые буквы. К ним в начале корня "приставлено" еще по одной букве, частично несущей смысловую функцию.

11. Автор "Me'or 'ayin" считает трехбуквенными корни слов 'nd (= $\sqrt{nd}$); kr (= $\sqrt{kr}$); двухбуквенными - sb (= $\sqrt{sb}$) ngl (= $\sqrt{ngl}$); kwn (= $\sqrt{kwn}$) и однобуквенным - khk (= nkj/w). Такие правильные глаголы, как slk и другие, автор считает трехбуквенными.

12. Система спряжения еврейского глагола с помощью мнемотехнических "знаков" в сочинении "Me'or 'ayin" построена на соотношении гласных в повелительном наклонении и в прошедшем времени. В "Me'or 'ayin" полностью воспроизведена система спряжения "второго" иерусалимского грамматика (середина XI в.). В свою очередь, "второй" иерусалимский грамматик лишь усовершенствовал и дополнил систему спряжения глагола, имеющуюся в грамматических трудах Абу-л-Фараджа Харуна (первая половина XI в.).

13. Ограниченность и ошибочность грамматических положений автора "Me'or 'ayin" вызваны незнанием основных положений Хаййуда. Поскольку в "Me'or 'ayin" не признается господство трехбуквенного корня, то рассуждения о изменившихся формах глагола идут в обратном направлении: не от полного трехбуквенного корня, который редуцируется из-за слабости согласного, а от двухбуквенного

корня, которому "подчиняются" приставочные буквы с определенными корневыми функциями. Такие рассуждения не давали возможности распознавать категорию глагольной породы.

14. Оригинальные караимские идеи в области спряжения еврейского глагола не проникли в Испанию и в другие страны Европы. На Ближнем Востоке эти идеи не утвердились даже среди самих Караимов.

Г.А.Зиграф

КАЧЕСТВЕННАЯ И КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАСНЫХ В НОВЫХ ИНДОАРИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Традиционная классификация гласных древних индоарийских (ДИА) языков предусматривала выделение в системе гласных двух серий, противопоставлявшихся по количественному признаку: кратких - $a, i, u, \bar{a}, \bar{i}, \bar{u}$ и долгих - $\bar{a}, \bar{i}, \bar{u}, \bar{a}, \bar{i}, \bar{u}$ (что, в частности, нашло отражение в письменности). К последним примыкали дифтонги - $e (=a+i)$, $o (=a+u)$, $\bar{a}i (=a+i)$, $\bar{a}u (=a+u)$.

2. В средних и новых индоарийских (СИА и НИА) языках под влиянием позиционных факторов происходит постепенное стирание ДИА противопоставления гласных по долготе - краткости. Количественная характеристика гласного определяется /а/ его местом в слове (по числу слогов от конца), /б/ позицией ударения, /в/ наличием или отсутствием после гласного группы согласных (гемината).

3. Для большинства НИА языков противопоставление гласных по долготе - краткости утратило фонологическую релевантность, превратившись в чисто позиционное явление. Таково положение в бенгальском, ассамском, ория, восточных диалектах "хинди" (майтхили, магахи, бходжпури), непальском, гуджаратском, маратхском и, возможно, в ряде других языков и диалектов.

4. Смыслоразличительное противопоставление "долгих" и "кратких" гласных сохраняется в хинди (западные диалекты и литературная норма языка), панджаби и синдхи (условно объединим их названием "западной" группы). Малая серия "кратких" гласных ($i, \bar{e}, \bar{a}$) противостоит в них большой серии "долгих" ($i, e, \bar{e}, \bar{a}, \bar{o}, \bar{u}$), причем последние фонетически могут быть не только долгими, но и краткими (в зависимости от позиции).

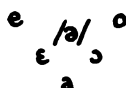
5. С другой стороны, между т. наз. "краткими" и "долгими" гласными в языках западной группы помимо количественных имеются существенные качественные различия (по степени раствора и принадлежности к тембровым классам). Первые отличаются от вторых меньшей напряженностью и смещением артикуляционной позиции к центру.

6. Просодический характер долготы в НИА языках (она служит в большей степени характеристикой слога, чем отдельно взятого звука, - ср., напр., переход $vss > \bar{v}c$, а также определенную позиционную ее обусловленность), равно как и практическое удобство использования взаимно соразмерного описания вокализма различных НИА языков, диктуют предпочтительность выбора в качестве определяющего при различении двух серий гласных в языках западной группы не количественного, а качественного признака, т.е. противопоставления их не по долготе - краткости, а по напряженности - ненапряженности или по периферийности - центральности.

7. Соответственно, система гласных языков западной группы может быть представлена в виде схемы:

(ср. для других НИА языков: i, u, где /ə/ мо-

жет быть представлен в отдельных частных системах; ср. также "переходную" систему гласных диалекта хараути).

8. Таким образом в системе гласных для языков западной группы могут быть выделены две частные подсистемы: /1/ периферийная, типологически совпадающая с общей системой гласных других НИА языков (характерно, что для членов этой подсистемы количественная характеристика может быть признана фонологически irrelevantной), и /2/ центральная, члены которой, наряду с качественной, обладают устойчивой количественной характеристикой "краткости",

что налагает определенные ограничения на их дистрибуцию. Вообще, различия в дистрибуции служат добавочным аргументом в пользу выделения названных подсистем, между которыми мы находим закономерные и последовательные соответствия внутри каждого из тембровых классов (1 - 1, e, e; a - a; u - u, o, o).

В.И.Кузнецов

**ФОРМАЛЬНЫЕ (МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ) КЛАССЫ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ
ФОРМ МАРАТХИ**
(на материале письменного текста)

1. На морфологическом уровне глагольно-именные формы выступают в двух аспектах: текстовом и языковом. В языках с развитой морфологической структурой как единица текста глагольно-именная форма представляет словоформу, как единица языка слово, или парадигму. В качестве словоформы глагольно-именная форма является системой, или упорядоченным противопоставлением морфов. В качестве слова глагольно-именная форма является системой, или а) упорядоченным противопоставлением словоформ (парадигмой) и б) упорядоченным противопоставлением морфем.

2. Глагольно-именную форму в качестве слова рассматриваем в маратхи как а) двучленную морфемную конструкцию и б) многочленную или одночленную конструкцию словоформ (см.5). Компонентами двучленной конструкции в аспекте текста являются корневые и постфиксальные морфы, в аспекте языка - корневые и постфиксальные морфемы, имеющие соответственно лексическое и грамматическое значение. Значение корневого компонента может быть только простым, значение постфиксального компонента может быть только сложным - словообразовательным (в языковом аспекте) и формообразовательным (в текстовом аспекте). Компоненты многочленной и одночленной конструкции имеют текстовый аспект и лексикограмматическое значение, и языковой аспект и грамматическое значение.

3. В языке маратхи глагольно-именные формы разделяются на три формальных класса (ФК). Для установления ФК вводим понятие графической основы слова - максимального неизменяемого графического комплекса в парадигме. Графическая основа может совпадать со словоформой, т.е. выступать как основа-словоформа (свободная

основа), и не совпадать с ней, т.е. выступать как основа слово-формы (связанная основа).

4. К ФРК 1 принадлежит глагольно-именная форма, не выступающая ни как свободная основа, ни как связанная основа: *kaḡaḡ-ḡ* , *kel-ā*, *kelel-ā* , *kaḡāv-ā* , *kaḡāvaḡas-ā* . К ФРК 2 принадлежит глагольно-именная форма, выступающая только как свободная основа: *kaḡā*, *kaḡatā* , *kaḡatānā* , *kaḡān* . К ФРК 3 принадлежит глагольно-именная форма, выступающая и как свободная основа, и как связанная основа: *kaḡat* и *kaḡat-o*.

5. Глагольно-именные формы, принадлежащие к разным ФРК, различаются также по составу и типу парадигмы. По составу парадигма может быть многочленной и одночленной (см. 2.). По типу парадигма может быть : а) субстантивной, б) адъективной, в) вербальной и г) нулевой. К последнему типу относится парадигма, имеющая негативную характеристику по отношению к каждому из первых трех типов. В зависимости от типа парадигмы в ФРК выделяем формальный подкласс (ФРПК).

Е.И.Кычанов

О НЕКОТОРЫХ ФОРМАХ ОБРАЗОВАНИЯ ИМЕНИ В ТАНГУТСКОМ ЯЗЫКЕ

1. В тангутском языке, как и во всех китайско-тибетских языках, значительную часть лексики составляли односложные слова. Образование сложных слов осуществлялось путем складывания односложных слов, чаще всего двух знаменательных морфем. Однако в тангутском языке имеется и группа слов, образованная:

- а) из двух знаменательных морфем, из которых вторая проявляет одновременно свойства морфемы служебной;
- б) из знаменательной и служебной морфем.

2. В тангутском языке отмечаются следующие морфемы, проявляющие свойства служебных при образовании имени, когда они являются второй частью сложного слова, построенного по схеме: знаменательная (-не) морфема (-н) плюс знаменательная морфема, проявляющая свойства служебной:

- а). морфемы, относящие имя к определенным категориям понятий:

khiz "мастер", *siḡkhiz* - "плотник" (из "дерево" и "мастер"),
ḡiekhiz "строитель" (из "жилье" и "мастер"); *law* "овощ" -

- manaw "шпинат", stshižnaw "баклажан"; ma "плод" - 'yürma "яблоко", wima "груша"; fa "цветок" - thvltufa "пион" ("прекрасный, изящный цветок"), mvh'dzifa "гвоздика" ("красный цветок милосердия"); nge "звезда" - munge Марс ("огненная звезда"), tsirnge Сатурн ("земная звезда"); dži "человек" - tshō'dži "музыкант" (из "музыка" и "человек"), yah'dž "ученик" (из "дом", "ворота" и "человек"). В типологически близких языках (например, китайском) морфемы этого рода рассматриваются как "полуаффиксы" (В.М.Солнцев), как слова, "стоящие на самом пороге превращения в суффиксы" (Н.И.Конрад), или как обозначения "видовых и родовых понятий", слова, "указывающие на групповые значения" (А.И.Иванов, Е.Д.Поливанов). В тангутском языке такие морфемы проявляют свойства словообразовательных служебных морфем: выражая сами по себе обобщающие понятия, они способны отнести ту или иную морфему к определенному классу понятий, которые они представляют.

б) Морфема yuh "голова". Встречается в словах типа shyuh "дерево", wiyuh "топор", šiyuh "травы", mhyuh "небеса", tsayuh "перец", šiyuh "путник" и др. На наш взгляд, в словах такого типа морфему yuh (ср. кит. tou) можно попытаться трактовать как суффикс, так как ее знаменательное значение слабо связано со служебной функцией морфемы.

в) Морфемы ław и ti образуют имя от предикатива. Морфема ław (модальный глагол, выражающий долженствование) образует имя от переходных глаголов или морфем, обозначающих качество: thih-ław "напиток" (от "пить"), phihław "слуга" (от "посылать"), tsahlław "жар", тепло (от "жаркий"). Морфема ti (модальный глагол, обозначающий возможность совершения действия) образует имя от непереходных глаголов и качественных морфем: dzuti "скамейка, сиденье" (от "сидеть"), Bzirthihtti "водопой" (от "пить воду"), tuti "верность" (от "верный, преданный"). Морфема часто связана с указанием места действия. Морфемы ław и ti в функции словообразовательных морфем не утрачивают полностью своего значения ("напиток" - "то, что должно пить", "скамейка" - "то, на чем можно сидеть" и т.д.), но связь этого значения с вновь образуемым словом менее ощутима, чем в словах типа "мастер" и "дерево" → "плотник". Поэтому, по нашему мнению, ław и ti можно рассматривать как словообразовательные суффиксы.

г) К этой же группе примыкает морфема tu - "каждый в отдельности", "тот", "другой", "отличный", употреблявшаяся для образования имени в первую очередь от качественных морфем: tsitu "грусть", "досада" (от "горький", "трудный"), nzhtu "покой" (от "спокойный"), nahnhiaktu "тьма", "мрак" (от "темный", "черный"). Значение морфемы tu никак прямо не связано с ее служебной функцией и поэтому в данном употреблении мы можем охарактеризовать tu как словообразовательный суффикс.

3. Можно отметить две служебные морфемы, употреблявшиеся в тангутском языке для образования имени;

а) Морфема mie ("тот, кто"; "тот, который") образует от глаголов и качественных морфем имя деятеля: nimie "доносчик", "податель доклада" (от "сообщать", "доводить до сведения"), zazmie "писец" (от "писать"), lohnie "богач" (от "богатый"). В данных случаях морфема mie является словообразовательным суффиксом.

б) Морфема nih известна как частица, оформляющая речь, обращенную от низшего к высшему. Кроме того, она образует имя деятеля от некоторых переходных глаголов и качественных морфем: chinih "пастух" (от "пасти скот"), tōnih "экзекутор" (от "бить"), kh'ēnih "начальник" (от "большой"). По-видимому, в данной функции nih - словообразовательный суффикс.

В.А.Лившиц

ПЕРВАЯ СОГДИЙСКАЯ АЗБУКА

1. Согдийский алфавит арамейского происхождения известен по многочисленным памятникам, старейшие из которых (надписи на монетах) относятся, по-видимому, к I-II вв.н.э. Рукописные памятники начала IV в.н.э. ("Старые письма") фиксируют первый этап развития согдийского курсива, насчитывавшего 19 знаков: ' ; β; ̣; h; w; z; ̤; y; k; l (= δ, ̤, L); m; n; s; c; p; ̣ (=δ); r; ̤; t. Знак ̣ (c ajin) выступает только в арамейских идеограммах; h (арам. hē) первоначально употреблялся также лишь в арамейских идеограммах; позднее этот знак стал применяться как графический символ при именах женского рода и как примета границы слова (иногда лишь для заполнения конца строки). Арамейский dāleth, согласно распространенному в настоящее время

мнению, не нашел отражения в известных до сих пор вариантах согдийского алфавита: для обозначения согдийских зубных спирантов δ и γ был избран $1(\bar{l}aneq)$, выступающий также в арамейских идеограммах и для передачи l в заимствованных словах. Арамейские $\dot{t}(\dot{t}eth)$ и $q(qôph)$ в составе идеограмм в "Старых письмах", как и в более поздних текстах, не засвидетельствованы.

2. Дальнейшая эволюция согдийского алфавита хорошо прослеживается по памятникам по крайней мере до IX-X вв.н.э. Несмотря на некоторые различия между письмом религиозных (прежде всего буддийских) текстов и деловым курсивом, засвидетельствованным, в частности, в мугских документах, можно говорить об общих тенденциях развития согдийской письменности. Главным признаком, характеризующим все памятники этого периода сравнительно со "Старыми письмами", является совпадение начертаний 𐭄 и 𐭅 - знак, восходящий, вероятно, к арам. *gimel*, в это время обозначает в согдийском письме как 𐭄 , так и 𐭅 . Уйгурский алфавит, являющийся прямым потомком согдийского, показывает, что хотя практически согд. 𐭄 и 𐭅 (𐭅) не различались, однако согдийцы сознавали, что в их алфавите существовали особые буквы для 𐭄 и 𐭅 . В уйгурской азбуке, обнаруженной в Восточном Туркестане, знак 𐭄 повторен дважды: a ; v ; 𐭄 (q); w ; z ; 𐭄 (q)....

Другие графические новообразования (диакритические знаки для различения $\alpha - \text{𐭄}$; $\text{𐭄} - \text{𐭅}$; $\text{𐭅} - \text{𐭆}$; $\text{𐭆} - \text{𐭇}$) отмечаются лишь в некоторых памятниках и потому не могут считаться характерными для согдийской письменности. Согдийский алфавит периода VI-XI вв., судя по памятникам, насчитывал 18 или 19 (считая 𐭄 и 𐭅 отдельными буквами) знаков.

3. Свань-цзан, проехавший через Среднюю Азию в 630 г. и собравший информацию о языках и письменностях на месте, сообщает, что в согдийском письме - около 20 знаков ("20 с чем-то"). Это сообщение, противоречащее данным согдийских текстов, рассматривалось некоторыми исследователями как мало достоверное, хотя для соседних областей точность сведений Свань-цзана о письменностях подтверждалась находками памятников (письмо Тохаристана).

4. Весной 1965 г. при раскопках цитадели древнего Пенджикента археолог А.Исаков обнаружил фрагмент стенки хума с согдийскими надписями - согдийской азбукой (первая находка такого рода) и упражнениями в писании отдельных слов. По археологическим и палео-

графическим данным эти надписи могут быть датированы УП - нач. УШ вв.н.э.

5. Азбука содержит 23 буквы - полный комплект знаков арамейского алфавита (с сохранением первоначального порядка букв) и добавочный знак 1 (для согд. ژ ?). Начертания большинства знаков те же, что и в согдийских памятниках УП-УШ вв. Впервые в азбуке представлены буквы ד (dāleth), ת (tēth), ק (qōph) - в известных до сих пор согдийских текстах они не были засвидетельствованы. Анализ графических форм ד и ק, а также привлечение данных других иранских, среднеазиатских и закавказских письменностей арамейского происхождения позволяет, по-видимому, заново рассмотреть проблему возникновения местных алфавитов на арамейской основе в послехеменидское время. Найденная азбука уточняет наши представления о составе согдийского алфавита и эволюции отдельных его знаков.

И.М.Оранский

ТАДЖИКЯЗЫЧНАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ГРУППА ЧИСТОНИ
В РАЙОНЕ САРЫ-АСИЯ (УЗБЕКСКАЯ ССР), ЕЕ ДИАЛЕКТ
И АРГО

(Из материалов научной командировки 1964 г. в Среднюю Азию)

1. Осенью 1964 г. в районе Сары-Асия (Узбекская ССР) были собраны материалы по диалектной и арготической речи неизвестной ранее в литературе группы чистони.

2. Чистони считают себя выходцами из Афганистана и называют себя "афганцами" (afyon). Группа чистони включает в свой состав несколько родовых (?) подразделений.

3. Родной язык группы чистони - таджикский в одной из диалектных его разновидностей, близкой, насколько можно судить по имеющимся материалам, к таджикским говорам Афганистана и Южного Таджикистана. В фонетике, грамматическом строе и лексике говора чистони отмечаются характерные черты, отличающие его от таджикского общеразговорного языка и описанных в литературе таджикских диалектов.

4. Наряду с общеразговорной лексикой, группа чистони имеет еще особый арготический словарь, состоящий из непонятных для окружающего населения "тайных" слов. Представители группы чистони отчетливо осознают функции этого словаря и четко отличают лексику общеразговорную от арготической.

5. Арготическая лексика группы чистони частично совпадает со словарем других арго Средней Азии (ср. арго групп "кавало", "джути" и др.). Эти совпадения не затрагивают, однако, основного лексического ядра арго чистони.

Б.Л.Смирнов

О ВОЗМОЖНОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ ФОРМАЛЬНЫХ КЛАССОВ СЛОВ В ДРЕВНЕ-КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ НА ОСНОВЕ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА

1. Задача данного сообщения - а) показать, возможно ли (в принципе) разбить слова древнекитайского языка на группы, отличающиеся друг от друга определенным набором признаков, присущих только словам данной группы; б) показать, возможно ли это проделать формально, без обращения к лексическим значениям; в) продемонстрировать одну из возможных процедур такого группирования (группирование на основе количественного анализа употребления слов в разных функциях и количественного анализа валентностей слов).

2. Материал для обследования - выборка из словаря памятника древнекитайской литературы "Мэн цан". Из слов со средней частотой употребления (от 21 до 40 употреблений в тексте памятника) более или менее произвольно выбраны 23 слова: *men* 'ворота', 'дверь', *fa* 'нападать', *lao* 'старый' (о возрасте), *li* 'сила', *lu* 'дорога', *jing* 'пахать', *gu* 'старый', 'древний', 'прежний', *gui* 'знатный', 'благородный', *hai* 'море', *qi* 'семь', *xi* 'запад', *xing* 'род', 'родовое имя', *xiong* 'старший брат', *xue* 'учиться', 'подражать', *zhi* 'мудрый', *zhi* 'помогать', *Chu* 'Чу' (название государства), *zhi* 'смотреть', *rou* 'мясо', *wai* 'вне', 'снаружи', *yu* 'обижаться', 'роптать', *Zilu* 'Цзы Лу' (имя человека), *Zeng Xi* 'Цзэн Си' (имя человека). Общее количество словоупотреблений - 565. Из рассмотрения исключены случаи употребления этих слов в цитатах из других сочинений и в составе редко употребляемых имен лиц.

3. При анализе функционирования слов все разнообразие конструкций было сведено к основным группам функций: группа "подлежащее, дополнение, связочное сказуемое"; группа "бессвязочное сказуемое"; группа "обстоятельственные функции"; группа "определятельные функции". Усеченные конструкции рассматривались вместе с их полными вариантами.

4. Результаты анализа функционирования слов отражены в таблице, где указано, сколько раз в какой функции встретилось каждое слово. Частота употребления слова в разных группах функций создает его "функциональный спектр". Слова с однотипным спектром относятся к одному классу. Возникающий при этом вопрос о типичности или нетипичности той или иной группы функций для данного слова решается чисто статистически.

5. Количественный анализ валентностей слов проводится на материале сочетаний интересующих нас слов с наиболее характерными незнаменательными словами.

6. Результаты анализа валентностей отражены в таблице, аналогичной таблице функционирования. В ней так же ясно выделяются валентностные спектры слов и типичные и нетипичные валентности; по своим валентностным спектрам слова объединяются в классы.

7. Сопоставление результатов функционального и валентностного анализа показывает, что в обоих случаях система классов получается весьма сходной. Совпадение результатов, добытых двумя путями, увеличивает достоверность выводов.

8. Выводы носят характер предварительный и не дают полной картины классов слов в древнекитайском языке, но самую возможность получить ее характеризуют достаточно точно. Для получения более точной и более полной картины необходимо сплошное обследование языка памятника. Не исключено, что потребуются и какие-либо другие формальные методы, однако данные, полученные уже сейчас, позволяют считать, что в принципе поставленная нами задача может быть решена при помощи описанных методов.

**К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА И ЛЕКСИЧЕСКИХ ГРУПП
(На материале современного китайского литературного
языка)**

1. Основными признаками единиц языка, отличающих их от единиц речи, являются: смысловая цельность, идиоматичность, воспроизводимость, устойчивость и неспособность компонентов к оформлению грамматическими показателями. Единицы языка делятся на лексические единицы и морфемы. Лексические единицы способны к самостоятельному употреблению в речи, могут выступать в роли определенных членов предложения и, кроме простых слов, допускают дальнейшее деление на более мелкие единицы языка. Морфемы такими свойствами не обладают (хотя на письме китайские морфемы, записанные идеограммами, могут делиться на более мелкие смысловые единицы). Лексические единицы состоят из слов и фразеологических единиц.

Наряду с типами лексических единиц (слова и фразеологизмы) могут быть выделены подтипы (а/ слова: простые, производные, сложные; б/ фразеологические единицы: номинативные, номинативно-выразительные) и промежуточные или переходные типы (окаzionali-ные слова, лексикализованные словосочетания, слова со связанным значением).

Основной единицей китайского языка является слово.

2. Различные группы лексических единиц (в данном случае слов) могут быть выведены с учетом их связей по трем основным параметрам, т.е. в плане лексического значения (З), фонетического (Ф) или графического (Г) облика и грамматического значения или принадлежности к определенной части речи (Ч). Связи эти могут быть отношениями тождества (Т), различия (Р) и сходства (ТР). Сравнение любых двух лексически самостоятельных речевых отрезков в итоге дает вариант определенных отношений. Лексические единицы с одним и тем же вариантом отношений можно рассматривать как члены определенной лексической группы. Дистрибутивным путем устанавливается предельное число (А) таких групп (вариантов отношений).

При нашем условии $A = 3^m$, где m - количество видов отношений (Т, Р, ТР), n - количество параметров (З, Ф/Г, Ч). Т.е. $A = 3^3 = 27$. Исключаем 12 реально невозможных групп (вариантов): а/ единицы, относящиеся к "сходным" частям речи (9 в.) + б/ единицы с тождественным З и различным Ч (Зв.). Получаем 15 максимально возможных групп, расположенных ниже с общей тенденцией к возрастанию тождества сопоставляемых единиц.

номера вариантов	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
отношения параметры	тр	тр	тр	тр	тр	тр	тр	тр	тр	тр	тр	тр	тр	тр	тр
З	-+	-+	++	-+	++	-+	-+	++	-+	++	++	+-	+-	++	+-
Ф(Г)	-+	-+	-+	++	++	++	+-	+-	+-	-+	++	-+	++	+-	+-
Ч	-+	+-	-+	-+	-+	+-	-+	-+	+-	--	+-	+-	+-	+-	+-

Исходя из таблицы, выделяем следующие группы лексики современного китайского литературного языка:

1. Слова с различным лексическим значением и звучанием, относящиеся к разным частям речи.
2. Слова с различным лексическим значением и звучанием, относящиеся к одинаковым частям речи.
3. Слова со сходным лексическим значением и различным звучанием и грамматическим значением (не обнаружены).
- 4-9. Лексико-грамматические (неконверсионные и конверсионные) и лексические паронимы и омонимы.
- 10,11. Разнокорневые и однокорневые синонимы.
- 12-14. Абсолютные синонимы, варианты слова.
15. Однозначное слово.

С учетом графики дополнительно выделяются (арабская цифра - номер варианта с учетом слова в звучании, римская - в написании): омонимы - омографы (9-1X), омонимы - парографы (7-1У), омонимы (9-11), паронимы - омографы (5-УШ), паронимы - парографы (4-1У), паронимы (6-11), омографы (1-УШ), парографы (1-1У).

КУРДСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ АКАД. И.А.ОРБЕЛИ

Курдско-русский словарь И.А.Орбели отражает лексику (и при ее посредстве – также фонетические и грамматические особенности) моксского говора северного наречия курдского языка (курманджи). Моксский говор более не существует: армянское и курдское население этого района частью погибло, частью рассеяно по другим местам.

Словарь составлен на месте в 1912 г. Впоследствии И.А.Орбели много раз возвращался к словарю. Последняя редакция завершена им в 1956 г.

Первоначально курдский текст словаря был зафиксирован знаками армянского алфавита. Рукопись 1956 г. представляет собой точную транслитерацию этого текста средствами осложненного дополнительными знаками русского алфавита. Количество и соотношение выделенных И.А.Орбели согласных в целом совпадает с общим консонантизмом курманджи. Что касается вокализма, то автор словаря различает большее число гласных, чем это реально имеет место в курдском языке. Кроме того, вариации звучания не соотносены с гласными фонемами, поэтому в ряде случаев границы между фонемами, возможно, нарушены.

В подготовленном к изданию тексте словаря транскрипция И.А.Орбели воспроизведена с большой точностью. Но наряду с ней по соображениям научного и практического характера – осуществлена также пофонемная транслитерация курдского текста так называемым "бадърхановским" латинизированным алфавитом, наиболее распространенным в настоящее время среди зарубежных курдов.

Транслитерация носит строго однозначный характер: знаки транскрипции И.А.Орбели постоянно передаются одними и теми же буквами бадърхановского алфавита, при этом в определенных случаях два-три и большее число знаков транскрипции сведены к одной букве пофонемной транслитерации. Подготовители словаря основывались на презумпции правильности записей И.А.Орбели. Следовательно, воспроизведены и возможные погрешности автора в отражении фонемного состава курдских слов. Коррективы в текст словаря вносились только при том условии, что они оправданы (и даже продик-

тованы) материалами рукописей словаря, а не соображениями подготавителей.

Значение словаря определяется прежде всего тем, что он содержит материалы, характеризующие мохсский говор с точки зрения его лексического, фонетического и грамматического своеобразия. Вместе с тем в словаре можно обнаружить множество слов, не учтенных не только в словаре А.Жабы, но и в современных курдских словарях, включая и лучший из них - курдско-русский словарь К.К.Курдоева. Не меньшее значение имеет и субъективная сторона: отбор и разработка лексического материала, осуществленная И.А.Орбели. Словарь отразил пристальный интерес автора не только к духовному богатству курдов, к их семейному укладу, социальным отношениям, но и к труду курдов, к предметам материальной культуры. Со знанием дела тщательно обследованы жилище курда, детали адания, очаг, предметы домашнего обихода, ткацкий станок, мельница, крупорушка, термины скотоводства, земледелия и т.д.

Переводы курдских слов, их семантическая структура представляют самостоятельную ценность. Толкования отмечены индивидуальностью автора - выдающегося знатока слова, своеобразием их осмысления. Многие словарные статьи представляют собой, в сущности, небольшие этнографические описания, а словарь в целом дает самые равнообразные сведения из жизни курдов в районах, которые уже десятки лет не доступны для исследования.

Словарь предполагается издать в 1967 г. в составе тома избранных работ И.А.Орбели, включающего курдоведческие исследования.

А.Дж.Шукюров

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ КАТЕГОРИИ НАРЕЧИЯ В ТУРЕЦКИХ ЯЗЫКАХ

Наречие в тюркских языках имеет много неразрешенных вопросов. Главные из них:

1. Время появления наречий в тюркских языках. Есть предположение, что наречия в тюркских языках в далеком прошлом отсутствовали и появились в более позднее время по сравнению с другими частями речи. Однако, материалы, полученные из письменных памятников, полностью опровергают такую гипотезу.

2. Определение первоначальной принадлежности слов типа бура 'сюда', 'это место', ашагн 'вниз', 'низ', яра? 'куда?', 'какое место?' (азерб.) и т.п., которые выступают в роли наречия и существительного.

3. Выявление степеней принадлежности к наречиям парных слов типа güzel güzel 'красиво', 'красивые' (тур.), яxшн-яxшн 'хорошо', 'хорошие' (азерб.) и т.п. Слова подобного рода, на мой взгляд, являются наречиями, так как они не образуют степеней прилагательного, не субстантивируются и, следовательно, не изменяются по падежам и числам. Что же касается удвоенных форм имен существительных типа alay alay 'отрядами', 'в отрядах' (тур.), дамин-дамин 'по каплям', 'в каплях' (азерб.) и т.п., то они также должны считаться наречиями. Эти повторы не выражают предметного значения, вследствие чего не изменяются по падежам и числам и не могут иметь при себе определение, т.е. выступать в роли определяемого.

4. Установление причастности языковых элементов типа her, pek, şayet (тур.), ән, лап (азерб.), аса, нык (каз.), дым, тым, ете (каракалп.) и т.п. к той или иной части речи. Эти элементы, не обладающие собственным лексическим значением, в большинстве случаев рассматриваются тюркологами в качестве наречия. Они скорее всего являются частицами.

З.А.Дзупова

ПОСЛЕЛОГИ В ЮЖНОМ ДИАЛЕКТЕ КУРДСКОГО ЯЗЫКА

1. Процесс редукции и отмирания именной флексии в южном диалекте курдского языка зашел значительно дальше, чем в северном. В связи с этим особое значение приобретают здесь аналитические средства выражения падежных отношений, прежде всего предлоги, послелоги и предложно-послеложные конструкции. В южном диалекте отмечены три послелога =ewe, =(d)a и =ga.

2. По своей природе послелоги южного диалекта (как и аналогичные формы северного диалекта) это частицы, лишённые самостоятельного лексического значения и служащие показателями синтаксических отношений.

3. В употреблении послелогов в южном диалекте наблюдается значительное отличие от северного. В северном диалекте послелогои обладают известной самостоятельностью – они могут употребляться без предлогов, уточняя значение косвенного падежа. В южном диалекте, где падежные флективные формы развиты очень слабо, послелогои употребляются только с предлогами, конкретизируя или под-держивая их значения. Таким образом, конструкция "предлог + имя в прямом (нейтральном) падеже + послелог" в южном диалекте (*Kurdistan le beharda beheşte* 'Весной Курдистан – рай') – функ-ционально оказывается соотнесенной с конструкцией "предлог + имя в косвенном падеже" (*Kurdistan li biharê bihuşte* 'Весной Курдистан – рай') или "предлог + имя в косвенном падеже + послелог" в северном диалекте (*Kurdistan li biharêda bihuşte* 'Весной Курдистан – рай').

4. Употребление послелогов в южном диалекте только в сопро-вождении предлогов может свидетельствовать о том, что значения послелогов здесь стали предельно отвлеченными. Основная роль в выражении грамматических отношений принадлежит предлогам, которые одновременно выступают и как уточнители значений послелогов. В результате возникают грамматически синонимичные конструкции: предложные и предложно-послеложные (ср. *le baîeke derkewt* = *le baîekewe derkewt* 'он вышел из сада'). Вместе с тем отмечаются случаи обязательного употребления с предлогом послело-га (*le kunekewê şîkê brîskayewe* 'что-то блеснуло из норы'), при-чем в факультативном и обязательном употреблении послелога наблю-дается определенная закономерность.

5. Большая степень грамматикализации послелогов в южном диа-лекте проявляется также в их синонимической взаимозаменяемости и в возможности наложения одного послелога на другой.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Источниковедение

С.И.Баевский. Неизданный персидско-турецкий словарь XV века "Шамил ал-Лугат"	1
М.В.Воробьев. Естествознание в чкурчженском госу- дарстве Цзинь	2
З.Н.Ворожейкина, Х.И.Ниязов. Персидская литература до-монгольского периода в рукописном собрании ЛО ИНА АН СССР	4
Н.В.Елисеева. Архив ираниста Ю.Н.Марра (1893-1935).	5
С.С.Какабадзе. Грузинские документы Института наро- дов Азии	7
Н.Д.Миклухо-Маклай. Рукопись исторического сочине- ния Мухаммеда Тахира в собрании ИНА АН СССР	8
А.И.Рагова. К истории сложения коллекции рукописей на среднеиранских языках из Восточного Туркестана, храня- щихся в Рукописном отделе ЛО ИНА АН СССР	10
А.П.Терентьев-Катанский. Бумага из Хара-Хото.	11
Н.Н.Туманович. Архивные материалы об общественной и педагогической деятельности В.В.Бартольда.	12

II. История

К.А.Бойко. Общие черты арабской историографии в му- сульманской Испании в VIII-X вв.	14
М.А.Дандамаев. Правовое положение земледельцев повд- ней Вавилонии	15
С.Г.Кляшторный. Из опыта сопоставительного изучения древне-туркских памятников и китайских источников	16
А.Г.Лундин. Государство мукаррибов Саба (Проблема периодизации)	17
А.С.Мартынов. Фаньская периферия в эпоху Мин.	19
С.М.Прозоров. Из истории религиозно-политической идеологии в раннем халифате	20
Ю.А.Петросян. Паносманизм в идеологии младотурок.	21

З.Я.Ханин. Проблема буракумин и ее изучение	23
И.И.Шифман. Социальная структура пальмирского общества 1-III вв.н.э.	25
В.А.Якобсон. Поручительство в ново-ассирийском праве.	26

III. Литературоведение

Ю.Е.Борщевский. Дастаны и народная культура средневекового Ирана	27
Л.Л.Громковская. Начальный период в творчестве Накано Сигэхару	29
Д.Д.Елисеев. О некоторых средствах характеристики в корейской средневековой новелле пхэсоль (XV-XVII вв.)	31
Ю.Л.Кроль. К литературоведческой характеристике "Записок историка"	32
Л.Н.Меньшиков. Художественные средства и литературный процесс (по материалам китайской литературы).	34
Ж.С.Мусаэлян. Новые варианты курдского народного сказания "Замбильфреш"	36
С.Л.Неведева. Сравнение в Махабхарате	38
М.И.Никитина. Некоторые сведения о древней корейской поэзии на корейском языке (хянга) в "Житии Кюне" и "Самгук юса"	40
Л.К.Павловская. Пинхуа по истории Пяти династий (Некоторые предварительные наблюдения над источниками и их использованием)	42
Л.С.Савицкий. "Записи достигнутого" и "Записи прослушанного" и их значение для изучения истории и литературы Тибета	44
Г.В.Сорокоумовская. Концепция человека в творчестве Суад Дервиш (по материалам романа "Эмине")	46
О.Л.Фишман. Китай в Европе XVII-XVIII вв. (из истории культурных взаимодействий)	48
Маруф Хазнадар. Основоположники новой курдской поэзии в Южном Курдистане	50

1У. Языковедение

П.А.Баранников. Возникновение и развитие обществ по распространению языка хинди в Индии	51
М.И.Воробьева-Десятовская. Сложные глагольные формы в тибетском языке УП-Х1 вв.	52
В.Г.Гузев. Некоторые проблемы исторической фонетики турецкого языка	54
М.Н.Зислин. Об одной оригинальной системе грамматики еврейского языка в период раннего средневековья	55
Г.А.Зограф. Качественная и количественная характеристики гласных в новых индоарийских языках.	57
Б.И.Кузнецов. Формальные классы глагольно-именных форм маратхи	59
Е.И.Кычанов. О некоторых формах образования имени в тангутском языке	60
В.А.Лившиц. Первая согдийская азбука	62
И.М.Оранский. Таджикоязычная этнографическая группа Чистони в районе Сары-Асия (Узбекская ССР), ее диалект и арг	64
Б.Л.Смирнов. О возможности выделения формальных классов слов в древне-китайском языке на основе количественного анализа	65
А.А.Торопов. К проблеме выделения единиц языка и лексических групп (на материале современного китайского литературного языка).	67
И.И.Цукерман, Ж.С.Мусаэлян. Курдско-русский словарь академика И.А.Орбели	69
А.Дж.Шукиров. О некоторых спорных вопросах категории наречия в тюркских языках.	70
З.А.Юсупова. Послелог в кенном диалекте курдского языка.	71

Т-0356I Тир.250 Зак.8I

Офсетное производство типографии №3
издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2

